

**НОВЫЕ
Герои**

НАШ ЧЕЛОВЕК
В 1942

ОЛЕГ ВЕРЕЩАГИН

**КЛЯТВА
РАЗВЕДЧИКА**

Новые герои

Олег Верещагин

Клятва разведчика

«ЭКСМО»

2010

Верещагин О. Н.

Клятва разведчика / О. Н. Верещагин — «Эксмо»,
2010 — (Новые герои)

ISBN 978-5-699-44163-1

Это должна была быть фантастико-приключенческая книжка про подростков и об Отечественной войне. Однако не получилось. Не уложилось написанное в законы жанра, согласно которым враги должны быть глупыми, приключения интересными, а герой, юный прогрессор, «русской ложкой деревянной восемь фрицев уложил». Хотя и приключения на месте, и герой, Борис Шалыгин, четырнадцать лет от роду, действительно совершенно неожиданно оказывается в военном времени, и хеппи-энд, если можно его так назвать, наличествует. Получилась – правда. О том времени – и о нашем времени. О нас – и о наших предках. И о наших врагах – нынешних и тогдашних. И о том, каким должен быть человек. Если он человек.

ISBN 978-5-699-44163-1

© Верещагин О. Н., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

1	6
2	11
3	19
4	23
5	26
6	30
7	34
8	38
9	42
10	46
11	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Олег Верещагин

Клятва разведчика

*На экране я вижу
Бежущих солдат.
Я б сумел им помочь!
Погибает отряд,
Не хватает бойцов...
Мне бы ринуться в бой!
Но меня еще нет
Над усталой землей.
Для того, чтобы мне
В этом мире расти,
Надо было сначала
Россию спасти...*

Л. Родионов

1

Из-под открытого передка «Газели» валил пар пополам с дымом. Пассажиры напряженно наблюдали, как водитель, исполнивший около двигателя ритуальный танец, отступился с обиженным выражением лица, и угрюмо заворчали, когда он сказал:

– Все, часа три стоим, не меньше.

Кто-то подал реплику в том смысле, что это не лучшее начало дня и задал вопрос – мол, что теперь делать? Для водителя, похоже, подобной проблемы не существовало. Он пожал плечами:

– Я чиниться буду, вы город посмотрите. Вон там кафе есть. К одиннадцати, – он взглянул на часы, – подходите сюда и поедем... – Он задумался и добавил нечто, не внушавшее оптимизма: – На крайняк я сменку вызову, доедете...

Пассажиры начали расползаться. Некоторые отправились под навес с гордой надписью: «АВТОВОКЗАЛ. П.Г.Т. БРЯНДИНО»

Большинство и правда поползли в сторону призывно краснеющего навеса летнего кафе, лениво обсуждая, есть там пиво, почем и какое. Глядя им вслед, я довольно громко сказал:

– Мы не скорбим от поражений
И не ликуем от побед.
Источник наших настроений:
Дадут нам водку или нет?

Никто не оглянулся, и я пошел в сторону, где начиналась улица поселка.

Через двадцать минут я совершенно точно знал, что:

- ничего более типичного для русских поселков, чем это Бряндино, нет;
- взрослое население отсутствует по причине жары;
- детское население представлено двумя пацанами, моющими велосипеды у колонки;
- собакам жить настолько скучно, что они даже не брешут;
- до реки три километра (это сказали те самые пацаны), и народ в основном там и обретается;
- зеленые насаждения вдоль улиц недавно (пеньки свежие) попиллил какой-то идиот по чьему-то идиотскому приказу;
- этих улиц восемь, и они расположены клеткой 4 x 4 в невероятную длину.

ВСЕ.

Мне стало скучно. Оставалось только идти в кафе, сидеть, есть мороженое и слушать, как все, обливаясь потом, ругают правительство, США, шофера, молодежь, погоду и Сталина, поглощая при этом дикое количество пива и матерясь так же скучно, как скучны здесь улицы. Меня, собственно, никто особо не ждал, и не имело принципиального значения, когда я прибуду в облцентр – в полдень или в десять утра. Да и остальных, так жаловавшихся на опоздание, не ждали никакие серьезные дела – разве что добывание очередной порции ставших смыслом жизни зеленых бумажек, которые они почитали основой основ...

Я в третий раз прошел мимо разлапистого храма, гордо вознесшегося возле общественного туалета, и раздрызганного клуба – и вдруг заметил в глубине тупичка между клубом и храмом небольшое зданьице старинной постройки, флигель, в которых во времена Российской империи любили селить приезжих гостей и доверенную прислугу. На флигеле висела старая табличка, и, помедлив, я направил туда свои стопы.

Ну, конечно же. Табличка гласила:

«КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
П.Г.Т. БРЯНДИНО»

А ниже – что-то насчет Министерства культуры и того, что музей работает ежедневно без перерывов с восьми утра до шестнадцати ноль-ноль.

Это уже было интересно. Именно в таких вот музеях я встречал самые замечательные экспонаты, на которые стоило бы просто обязывать смотреть людей... Но ходить по таким музеям было тягостно. Пустые, со следами дешевого ремонта, тихие, словно смертельно больной человек, осознающий свою болезнь, они держались, как правило, благодаря самоотверженному энтузиазму фанатиков-хранителей, все еще надеявшихся: вот сейчас власть образумится, не может же она не понять, что... и так далее.

Я оглянулся. Сквозь деревья за туалетом хорошо было видно яркую крышу кафе.

Нельзя презирать людей, среди которых прожил тридцать лет. И я их не презирал. Временами я их ненавидел. Уже просто за то, что никто из них и не подумал отойти от вокзала – просто чтоб посмотреть новое место...

Вздыхнув, я поднял руку и позвонил.

В глубинах музея раздался тихий перезвон. Я стоял и думал, кто мне откроет. Вариантов было три, все – интересные и печальные, как сами провинциальные музеи:

– старик-краевед, всезнающий и обреченно спокойный от мысли, что ЭТО никому не нужно;

– пожилая женщина, подрабатывающая здесь для прибавки к пенсии;

– молодой мужчина с горящими глазами, увлеченный историей родного края и не на жизнь, а на смерть сражающийся за нее с поступью XXI века.

Я не услышал шагов и поэтому слегка подался назад от удивления и неожиданности, когда дверь мне открыл подросток.

В наше время с этим путаница. Восемнадцатилетних дылд называют «мальчиками», пятнадцатилетних парней – «детьми», десятилетних пацанов – «подростками»... Все зависит от того, кто и для чего употребляет эти слова. Надо, например, выплеснуть очередную порцию грязи на армию – говорим о «несчастных мальчиках». Надо заставить читателя пролить слезу над судьбой юных зэков – пишем о «детях за решеткой». Надо убедить власти в том, что в двенадцать лет человек готов для половой жизни – находим ученого, у которого дети превращаются в «подростков». В дни моего детства все было разграничено четко: до 14 лет – мальчик, до 18 лет – подросток, потом – юноша. Так вот это был именно подросток, лет пятнадцати. Высокий, коротко стриженный, но со светло-русой челкой, узколицый, сероглазый и сильно загорелый, он был одет в широкие шорты, подпоясанные ремнем с массивной пряжкой, и свободную рубашку защитного цвета. Правую руку от запястья до середины предплечья закрывал кожаный напульсник. На меня смотрел внимательно и без любопытства, а я настолько растерялся, увидев его, что тоже молча пялился. Первым нарушил молчание он:

– Вы хотите осмотреть музей? – не то чтобы вежливо, скорей безразлично, спросил он меня.

– Вообще-то да, если можно.

– Цена билета – десять рублей взрослый, пять – детский, – просветил он меня.

Я удивился:

– А что, к вам и дети ходят?

Он не ответил. Ясно – глупый вопрос. Около кафе – два игровых автомата, а пятак – это ж шанс сунуть его в щель и ждать: вдруг хозяин «игрушек» оказался лохом и сейчас на тебя упадут десять тысяч?!

– Экскурсия – по цене детских билетов, но с оплатой экскурсовода пятьдесят рублей, – продолжал он, как-то странно меня разглядывая, непонятными глазами. – Если желаете сфотографироваться с экспонатами – снимки «поляроидом», десять рублей штука.

– Да нет, спасибо, – ответил я. – Уж сам как-нибудь...

– Проходите. – Он посторонился.

Внутри флигель оказался не маленьким – шесть комнат! Как объяснил мне единственный, судя по всему, обитатель музея – четыре комнаты уже сейчас заняты экспозициями, а еще в двух неразбериха и бардак, потому что музей недавно переехал. Я хотел спросить – откуда, но вспомнил гордую церковь и сразу сообразил. Конечно, духовность народа сильно поднялась от того, что экспонаты – молчаливых свидетелей прошлого – свалили в комнаты флигеля, а здание «вернули законным хозяевам». Судя по количеству и весу нательных крестов на жирных грудях и над голыми пупками, у нас в самом деле расцвет духовности... Очевидно, что такое отразилось на моем лице, потому что парень, отрывавший мне билет (я обратил внимание, что использованных там совсем мало), сказал вдруг:

– Мы потихоньку разгребаемся – дядя Леша и я. Но рук не хватает...

– Дядя Леша – это смотритель? – уточнил я.

Парень кивнул.

– А у тебя что, такая школьная практика?

– Нет, – он снова замкнулся. – Мне просто нравится... Проходите. – И он пошел впереди меня в те комнаты, где надо было «разгребаться».

А я побрел по музею.

В двух «залах» оказалась очень неплохая выставка фауны и флоры, сделавшая бы честь и областному музею – если не размерами, то подбором, расположением и ухоженностью экспонатов. В одной – самой большой – были представлены экспонаты на тему «Наш край с древнейших времен по годы Великой Отечественной войны». Тут я подзадержался, думая, что с удовольствием лично вышвырнул бы из соседнего здания весь мишурный новодел, чтобы поместить там предметы, лежащие в горках и витринах, куда более древние и даже просто намного более ценные в чисто материальном выражении.

Очевидно, современность и еще что-то должны были быть представлены в последних двух залах, еще не оформленных – ну а четвертый занимала война.

Грешен – не люблю бывать в таких залах. Они везде одинаковы. Медали и ордена, германские каски и противогазы, корпуса гранат, документы, листовки... Правда, через эти места война прошла здорово, экспозиция была побогаче, но не выходила за пределы указанной темы. Я все-таки побродил туда-сюда, привычно определяя предметы. Постоял перед витриной с холодным оружием. По соседству находилась другая:

«ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В НАШЕМ КРАЕ В ПЕРИОД ОККУПАЦИИ»

Я перешел к ней, подумывая, что стоит все-таки сделать по соседству с десятком снимков и оставить еще рублей пятьсот музею как дар. Не замылил бы этот отрок только – ну ничего, заставлю при себе оформить бумагу.

В правом нижнем углу витрины лежала жестяная коробочка из-под печенья – старая, по возрасту ей самое место по соседству, а не здесь. Она была вскрыта, даже распорота скорее. А рядом лежали четыре пионерских галстука – неожиданно яркие сатиновые треугольники, расположенные веером, потертые, подштопанные, разлохмаченные. Отпечатанная на компьютере (!) табличка гласила:

«Найденные недалеко от деревни Кабанихи галстуки юных бойцов с оккупантами. Предположительно принадлежали разведчикам партизанского отряда «Смерч» Саше Казьмину, Юле Маковец, Жене Стихановичу и Боре Шалыгину, пропавшим без вести при выполнении бое-

вого задания в сентябре 1942 года. Найдены Б.Ю. Шалыгиным и переданы в музей 14.07.2004 года».

Я перечитал фамилии. Шалыгины... Похоже, кому-то из потомков повезло найти галстук предка. Интересно, сколько содрал за находку... И тут я обратил внимание на одну интересную в своей странности вещь – четвертый галстук, лежавший под всеми остальными. Он был такой же, как остальные, – потертый и поношенный. Но – **зеленый**. Это не сразу замечалось – освещение было скверным, галстук лежал, как уже было сказано, под остальными.

И все-таки он был зеленый, как листва на дереве.

Я пошел искать того парня.

Он разбирали завал в комнате по соседству и воззрился на меня с некоторым нетерпением. Я кашлянул, кивнул в сторону двери и спросил:

– Не можешь кое-что объяснить? Я... э... заплачу как за экскурсию.

– Пойдемте. – Он поднялся легко и быстро. А пока он сидел, я заметил под задравшейся левой штаниной шортов, на внешней стороне бедра, белесое пятно с двухрублевою монету размером. Ожог, что ли? Или... да нет, откуда... – Что вас интересует?

– Это. – Я первым прошел к витрине. – Я сам носил такой несколько лет. И точно знаю, что в годы Великой Отечественной галстуки были красными.

Мальчишка, рассматривавший галстук в витрине, быстро поднял на меня глаза и так же быстро опустил.

– Что нашли, то и выставили.

– Я понимаю, – терпеливо сказал я. – Но это странно. Ты уверен, что это не подлог?

– Зачем? – удивился он, пожимая плечами. – Не сенсация, славы на этом не сделаешь.

– Ну, верно, – согласился я. – Может быть, ошибка?

– Нет. – Он снова мельком посмотрел на меня. Помедлил. – Я сам нашел эти галстуки.

– О! – оценил я. – Погоди... Тут написано – галстук Бори Шалыгина... И ты – Б. Ю. Шалыгин... Это твой дед, прадед?

Он в третий раз поднял глаза и уже не опустил их, внимательно и пристально разглядывая меня. Потом вдруг спросил:

– Вы кто?

– Я? – Вопрос и его тон меня ошарашили. – Ну... Был военным, три года уже работаю учителем...

– А вы здешний? – продолжал он допрос.

– Нет, я тут проездом... Это имеет значение?

– Не знаю. – Он пожал плечами. – Просто вы первый, кто на это обратил внимание...

Большинству все равно, а дядя Леша считает, что это какая-то ошибка.

– А что это? – почти требовательно сказал я. Глаза парня стали сердитыми.

– Зачем вам это? – спросил он.

– Хотя бы затем, что я заплачу за экскурсию и ты должен удовлетворять мое любопытство.

Он опустил глаза. Усмехнулся. Повел плечами. Посмотрел в окно.

– Ну хорошо, пойдемте... Только... хотя ладно, все равно.

Как загипнотизированный, я прошел за ним в маленькую комнатку офисного типа – через незаметную дверцу из коридорчика, где стоял стол, у которого я покупал билеты. Там стоял компьютер, еще что-то; на вешалке болтался планшет из рыжей кожи, вопиюще несовременный. Борис полез в него, достал бумажник и, открыв его, вытащил четкую черно-белую фотографию, относительно новую, хотя и потертую по краям. Молча протянул мне.

Я ее удивленно взял. На фоне большого стога были сняты четверо подростков военного времени – что это настоящий снимок, сомнений не было, не подделать сейчас ни позы, ни выражение лиц, ни качество снимка, как ни старайся. Скуластый курносый паренек в солдатской форме, сидя на земле, расстелил на колене портянку и, что-то вытряхивая из сапога, смотрел

на одетую в шаровары и рубашку девчонку, перебросившую на грудь косу; девчонка смеялась. К стогу привалился худощавый мальчишка в кепке, кожаной куртке и потрепанных брюках – он смотрел в небо и грыз соломинку. Сбоку на корточках пристроился почти по-современному одетый третий мальчишка – в широком камуфляже и высоких ботинках; он, кажется, что-то спрашивал у скуластого. На шеях у них и правда были галстуки, только цвет неразличим.

– Это они и есть, которые пропали? – с интересом спросил я. – Ты нашел там же, где и галстуки? А почему... Ничего себе! – вырвалось у меня. – Это твой дед?! Как похож!

Действительно, мальчишка в камуфляже был похож на моего странного экскурсовода как две капли воды – ну, разве что чуточку младше. Я продолжал:

– Но погоди... Если он пропал, когда ему было столько лет, то как же ты на свет-то появился? Или он не погиб?

– Он не погиб, – сказал мальчишка. – Только мой дед не воевал, а прадед в это время сражался на Кавказе... Понимаете... – Он облизнул губы. – Если хотите, я расскажу. Только дослушайте до конца, даже если вам покажется...

– Ты меня уже заинтриговал. – Я украдкой глянул на часы – у меня было еще почти два часа. – Так что это за история?

Борис взял у меня фотографию. Глядя на нее, заговорил:

– Это правда, что я нашел галстуки. Это было нетрудно. Я хорошо запомнил, где мы их спрятали, когда... – Борис вскинул на меня глаза и улыбнулся: – Снимок сделали в сорок втором, почти год назад. И этот парень на фотке не мой предок. Это я сам. Будете слушать?

Говоря, он расстегивал напульсник и сейчас освободился от него совсем. Под кожаным браслетом была татуировка – но не модная сейчас среди подростков «плетенка», а простой и не очень искусно наколотый ряд цифр.

92745

– Будете слушать? – повторил он.

2

На свете есть олухи, которые ничего не боятся.

Я не из таких. Это я говорю не в укор себе и не в оправдание. Просто я не из таких – и все.

Я боюсь темноты. Боюсь того, что родители будут ругать за двойку, которую боюсь получить. Боюсь драться, боюсь незнакомых компаний на темных улицах. Боюсь заболеть чем-нибудь неизлечимым. Боюсь коров. Боюсь девчонок – куда больше, чем коров. Боюсь высоты и глубокой воды.

А больше всего боюсь, что кто-то узнает о том, чего я боюсь.

Вчера, 6 мая, мне исполнилось четырнадцать лет. Полтора года назад я вступил в скауты, в только-только образовавшийся в нашем городе отряд. Отряд – это неправильно, хотя нас так даже в телепередачах называют и в газетах. Правильно – дружина. Мы и есть – дружина имени Лени Голикова.

Вообще-то это тоже не совсем правильно. Не по скаутским правилам называть организации в честь пусть сколько угодно знаменитых людей – ну, если только в честь святых. Но я, если честно, не знаю, чем Леня Голиков хуже святого. Любого, хоть кого возьми. Тем, что носил красный галстук?

Когда – ну, полтора года назад – бывший майор морской пехоты, наш земляк Анатолий Сергеевич Кузьмичев (или АСК, как мы имеем наглость его называть даже не за глаза), вернувшись в Новгород, организовал нашу дружину, у нее долго не было вообще никакого названия, и мы возмущались, на каждом сборе предлагали кучу разных. АСК только усмехался. Потому что мы доперли, что к чему. Сперва в дружину записалось человек полтысячи, не меньше. Но потом схлынули – и вот уже с год ее численность держится примерно на уровне 150–200 человек. АСК этого и ждал. Дело в том, что скауты – это не только сплошная романтика, походы, стрельбы, костры и прочее. Это еще и армейская дисциплина, и ранние подъемы, и разносы за плохо подогнанную форму, и насмешки над этой самой формой... В общем, те, кто хотел «потусоваться», – сплыли. Когда же дружина в самом деле стала похожа на дружину – тут и настал черед давать ей имя. Вообще-то это мудро, если честно. Зачем трепать хорошее слово, если через месяц все развалится?

Так вот. АСК это и предложил. Мы, сказать по правде, и не знали, что у нас был такой земляк. Двести здоровых парней и девок – ни ухом ни рылом. А вы сами подумайте! В четырнадцать лет – партизанский разведчик, участник рейдов по вражеским тылам. В пятнадцать – в поединке убил гитлеровского генерала и добыл секретные документы, потом – спас жизнь раненому товарищу, вынес его на себе из-под огня. В шестнадцать – прикрывал отход командира и погиб в бою с егерями. А то мы... Нам даже как-то неловко стало, но мы так и решили назваться.

За этот год много было разного. В основном – интересного. И походы, и военные игры, и стрельбы, и в Данию мы ездили к тамошним скаутам, и на местах боев искали останки погибших, и на стройке работали, и концерты давали, и... ну, долго все перечислять. Что до меня, то я от «волчонка» поднялся до «медведя»¹ и научился массе вещей нужных и интересных. Это, кстати, великая вещь – ощущать себя частью большой силы. И не потому, что в случае чего «заступятся». Просто в дружине – настоящие друзья и настоящее дело. А что многим не нравится маршировать и подчиняться – у нас демократия в стране, вольному воля, спасенному рай. Пусть сидит с пивом на лавке или торчит в подъезде, пока не придет к закономерному финалу, которым пугают взрослые. Правильно, кстати, пугают, если честно.

¹ В разных скаутских организациях существуют различные степени и ранги. В данном случае «волчонок» – первое звание на иерархической лестнице, «медведь» – предпоследнее перед скаутмастером и старшим скаутмастером.

Так вот. АСК мужик железный, точнее – стальной. По-моему, он считает свою дружину даже более важной для нас, чем школу. Как-то раз на совете гороно² он озверел и сказал: «Большинству ребят и девчонок в жизни не пригодятся ни синусы, ни косинусы, ни химическая формула поваренной соли, ясно?! А вот то, что они не знают, кто такой Кутузов³, – это начало конца, понимаете?!» Вообще его в школах не любят, но стараются не связываться – у него пробивная мощь артиллерийского снаряда.

В общем, наступало 60-летие победы в Великой Отечественной. И АСК, заручившись поддержкой полудюжины организаций, решил устроить выезд аж за Псков, под Гдов, чуть ли не на эстонскую границу. Предполагалось устроить Лагерь Памяти с телевидением, инсценировками, концертом и прочим аж на все 8 и 9 мая. Такие вещи без разведки не делаются, тем более что в тех местах мы никогда не были. В результате пять человек с опытом и надежных, в число которых попал и я, отправились в указанном направлении именно 6-го утром, снабженные деньгами, средствами связи и снаряжением, с задачей в рекордный срок найти место для лагеря. Живописное, но доступное для транспорта телевизионщиков и влиятельных лиц.

Мой день рождения праздновали в автобусе.

* * *

Почему-то считают, что мы носим шортики и рубашки-безрукавки. Нет, я понимаю, откуда это заблуждение... Исторически это так. Но в наших не очень-то теплых, комариных и лесистых местах в такой форме живо двинешь коней и на том свете будешь обвинять Би-Пи⁴ в том, что он придумал неудобную форму. Поэтому она у нас вполне практичная и довольно обычная – камуфляжи, кроссовки, береты. То, что мы скауты, – можно понять лишь по зеленым галстукам, которые вручают только после испытаний и очень торжественно. (Можете смеяться, но мне мой дорог. Не потому, что он что-то там такое символизирует или куда-то зовет. Просто я за него горбатился; если он что и символизирует, то пролитый мною пот, а это немало.) Есть еще эмблемы, но их носят только при параде, а галстук – всегда.

Скорее всего, вы о скаутах не знаете вообще ничего, а эта тема благодатная. Жил на свете сэр Роберт Стефенсен Смит Баден-Пауэлл первый барон Баден-Пауэлл оф Хиллуэлл. Тот самый Би-Пи. Плохо учился в школе, был хорошим спортсменом и мечтал о военной службе – короче, по всем меркам являлся «нашим человеком». В 19 лет стал офицером королевских гусар и отправился воевать. Англия тогда воевала допдна, его носило по Индии, Ближнему Востоку и Африке, и начальство он раздражал (точь-в-точь как наш АСК!) тем, что постоянно изобретал какие-то новые способы ведения войны. То лицо в зеленый цвет раскрасит, то в ночной бой ввяжется, то обдурит местных, считавших себя самыми умными, а англичан – дураками. Короче, был он из тех офицеров, которые на войне буквально спасают армию, а в мирное время – головная боль для всех вышестоящих бездельников. Вдобавок он писал в разные журналы возмутительные статьи, в которых – вольно или невольно, кто его сейчас разберет! – выставлял начальство не только бездельниками, но и дураками – и заслуженно... Конечно, огребал за это, но были у него и защитники – из тех военных, которые и в мирное время готовятся выполнять свою работу.

В 1899-м, чтобы от него отделаться, его произвели в полковники и загнули командовать гарнизоном маленькой (но важной!) крепости Мафекинг в Южной Африке. Думали, наверное,

² *Городской отдел народного образования* – организация, ведающая школами города.

³ *Михаил Илларионович Кутузов* – русский военный и политический деятель XVIII–XIX вв. Наиболее известен тем, что именно под его руководством была уничтожена наполеоновская армия в Отечественной войне 1812 года, но на самом деле М.И. Кутузов знаменит множеством других дел на благо Отечества.

⁴ Сокращение от начальных букв английского произношения фамилии Baden-Powell – английский офицер, основатель скаутского движения, чью фамилию так сокращают скауты всего мира.

что на этой службе он надорвется. А получилось так, что он стал национальным героем – буквально через какой-то месяц грянула война с бурами (посмотрите, кто это такие, кому интересно!), и Мафекинг попал в осаду на семь месяцев.

Гарнизон крепости был, дай бог, полторы тысячи человек, а буров – не меньше восьми тысяч. Тогда Баден-Пауэлл воззвал к патриотизму жителей (тогда это для англичан были не пустые слова!) и создал народное ополчение – а в его составе первый в мире отряд скаутов.

Да-да, он поставил под ружье 12–14-летних мальчишек-добровольцев. Они наблюдали за позициями буров, носили боеприпасы, воду, медикаменты, пробирались из осажденного города к своим и обратно, принося донесения. Ну, вообще-то, наверное, это им казалось игрой. А сам Баден-Пауэлл понимал, что это не игра. И за все время осады его один раз видели плачущим – над трупом убитого бурской пулей пацана-связиста.

Мафекинг осаду выдержал, и Баден-Пауэлл вернулся на родину генерал-лейтенантом. Там он опять-таки не успокоился, а стал писать книги о воспитании подростков – и подтверждать теоретические выкладки тем, что усиленно организовывал, добившись в этом помощи влиятельнейших людей, отряды скаутов по всей Британской империи.

Скоро эта мода перебралась и за ее рубежи, в том числе и в Россию. И из моды превратилась в стиль жизни для тысяч, а потом и сотен тысяч мальчишек. Особенно ухватились за скаутов военные – для них таким образом воспитанный парень был идеальным бойцом. И русских скаутов тоже организовывал военный – Олег Пантюхов, при поддержке императорского двора. Только назвали русских скаутов «юными разведчиками», перелицевав английское «бойскаут» – «мальчик-разведчик».

Потом начались всем известные события – Гражданская, то да се... Скаутов запретили. Сперва неофициально, а потом и официально. Кто не успел скрыться – посадили даже, тем более что большинство скаутов активно участвовали в той войне на стороне белых. Для меня лично все это глупость несусветная – белые, красные... Чего делили, кто больше Россию любит? Но «свято место пусто не бывает» – и на место скаутов пришли пионеры.

Они нахально слизнули у своих разгромленных предшественников кучу всего – от галстука (только он стал красным) до приветствия (только вместо трех пальцев ко лбу стали вскидывать пять), от девиза «Будь готов!» до песни «Картошка». Но ругать их особо я не буду. Леня Голиков тоже был пионером, кстати. И, когда приходила какая-то беда, эти пацаны в красных галстуках мужественно боролись с ней – и на войне, и в мирное время. И книжки про это есть интересные, и фильмы... Правда, уж очень эта организация была политизированной, как взрослые скажут. Все было «завязано» на политику. Поэтому, наверное, в конце концов она и выродилась – стала скучной большинству ребят и девчонок.

В конце уже прошедшего XX века у нас в России возродилась ОЮСР – Организация юных скаутов-разведчиков, с которой, собственно, и связался АСК после увольнения из армии и филиалом которой стала наша дружина.

Конечно, ни по размаху, ни по финансированию нам с пионерами из прошлого не тягаться. Их-то содержало государство. Но зато у нас – только добровольцы, и это огромный плюс. От добровольца всегда в сто раз больше пользы, чем от десяти загнанных куда-то насильно. Если он куда-то приходит, то это как минимум значит, что он этого хочет.

Конечно, бывают и разочарования, я уже говорил про это. В скаутах – не балдеж, а дисциплина, подчинение, форма. Я и про это говорил. И далеко не всем нравится, поэтому и уходят, помотавшись в дружине месяц-полтора. Никто их не держит. Зато сколько у нас ребят из неблагополучных семей?! Они не плохие, им всего-то и требовалось, что место, где можно чувствовать себя среди своих, нужным, защищенным... А раз они у нас – значит, не пойдут ни наркоту искать, ни в парке бумажники и мобильники трясти. Они-то и становятся сплошь и рядом самыми лучшими скаутами – потому что для них это жизнь, тропинка какая-то, что ли, из болота к солнцу...

Красиво слишком говорю. Но ведь это так. Я и сам-то в скауты прибежал потому, что... ну да ладно. У меня семья благополучная, но личные проблемы были.

Как-то раз не очень давно меня попросили на собрании руководителей областных детских и подростковых организаций сделать доклад о нашей дружине. Вот тут я здорово сел. Оказалось, что информации – море, постороннему человеку и не разобраться. Да и я-то запутался.

Ну, начать с того, что у нас нет ни единой системы званий и знаков отличия, ни даже однообразной формы. Каждая дружина старается на свой лад! С одной стороны, это хорошо – простор для самостоятельности. А с другой... Я тогда плюнул и приготовил выступление о нашей дружине конкретно.

Я уже упоминал, что у пионеров галстуки были красные? В смысле – у всех. У них там тоже как-то обозначались звания и должности, но я не знаю как. А у нас именно галстук на звание и указывает в первую очередь. Ну вот в нашей дружине. «Волчонок» – это младший скаут – носит коричневый галстук. «Волк» – ступенькой старше – красный, как раз как у пионеров. «Орел» – синий. И «медведь» – ярко-зеленый. Как у меня. Кстати, наш галстук – это еще и очень удобный инструмент. В зависимости от необходимости он превращается в бандану, перевязочную косынку, крепежную веревку... А уж что некоторые на них пишут (это тоже не возбраняется) – так это и вообще не поддается описанию, пардон за каламбур. У меня лично ничего не написано, зато на самодельном зажиме из березовой коры вырезан кукиш. Так. Ни за чем.

Чтобы перейти на следующую ступень, нужно выдержать испытания, и серьезные – и спортивные, и на выживание, и по военному делу. Во всяком случае, у нас это не формальность, некоторым приходится не по одному разу пробовать. Но уж если пошел «вверх по лестнице» – то возможностей для интересной жизни масса.

Есть у нас традиция присваивать тем, кто «дослужился» до «волка» и побывал более чем в одном походе минимум четыре дня, прозвища. Ну, как у меня – Шалыга. Имена выбираем себе сами, а вот для присвоения даже церемония особая есть – у лагерного костра. Я ее помню хорошо – имею в виду, свою помню. Как меня вызвали к костру. Я встал перед АСКом... Двое парней из старших (сейчас они уже в армии) взяли мой галстук, пронесли его за концы над огнем и над моей головой. А потом АСК громко сказал мое прозвище... Вот такие игрушки – а вспоминается до сих пор. Наверное, как рыцарю – его посвящение...

Кстати, и цвета у нас не «просто так». У каждого цвета есть свое значение – немного не такое, как в рыцарской геральдике, но строго определенное. Белый – чистота. Синий – вера. Красный – сила, энергичность, упрямство. Черный – спокойствие, серьезность. Зеленый – надежда, природа. Оранжевый – ловкость, быстрота. Коричневый – практичность, закалка. Желтый – хитрость, сообразительность. Серый – скромность, терпеливость. Розовый – любопытство.

А уж знаками различия и отличия мы вообще увешаны с ног до головы – на парадной форме, конечно, как я уже упоминал. Иногда даже кажется, что лишку хватило, но – особенно младшим – «народу нравится». Тут и нагрудный крест – поверх зажима галстука, не награда, а просто крест. Тут и галстук с этим самым зажимом. И скаутская лилия с Георгием Победоносцем на головном уборе. И муфта на погоне – цветов государственного флага. Знаки должности. Знак специальности (их бывает по нескольку штук). Знак звена (а дружина делится именно на звенья и на шестерки – это для волчат). Шевроны-угольники – по одному за каждый год «безупречной службы» (или «год нераскрытых преступлений», как мы шутим). Парадный ремень с пряжкой. Витой шнур для свистка (это у «медведей» и мастеров). Знаки отличия в виде планок и значков. Короче, каждый скаут – это «иконостас». Зато можно с ходу (если разобраться) прочитать всю информацию о нем. Правда, я говорил раньше, на полевой форме все это не

носится, иначе каждый скаут был бы потенциальной мишенью – если не для настоящего снайпера, то уж во время военной игры – точно.

Когда я говорил, что пионеры у нас слизнули приветствие, я все-таки немножко переборщил, как скажет моя мама. Наши три пальца ко лбу (за Бога, короля и страну в изначальном английском варианте) к военному отданию чести отношения не имеют, в отличие от их вскинутой ладони. (А «волчата» вообще приветствуют друг друга поднятой над плечом ладонью с пальцами, разведенными буквой «V». Это не «победа», как думают некоторые, а «волчьи уши».) Но вообще-то общего немало, это точно. Может, тут дело даже не в заимствовании, а просто «у дураков мысли сходятся». Во всяком случае, и у нас, и у них есть знамя дружины. И флажки подразделений – звеньев и стай. И дружинная песня (у нас как раз та самая «Картошка»), и речевки. У нас очень хорошая, и правда помогает, если твердить ее про себя, когда трудно...

Вдаль иди,
Не сверни
И не падай!
Упадешь – поднимись!
И будет тебе наградой
Цели заветной высь!

По-моему, классно.

А скаутские заповеди? АСК их взял у знаменитого польского путешественника Яцека Палкевича, мы их заучили наизусть:

- Уметь принимать быстрые решения.
- Уметь импровизировать.
- Уметь постоянно и непрерывно контролировать себя.
- Уметь распознавать опасность.
- Уметь оценивать людей.
- Быть самостоятельным, но уметь подчиняться.
- Быть настойчивым.
- Признавать, не отчаиваясь, пределы своих возможностей.
- Искать, когда кажется, что возможностей больше нет, другие пути для выхода из положения, прежде чем сдаться окончательно...

...и даже тогда не сдаваться!

Последнее – особенно здорово, мне кажется. Почти так же, как наш лозунг «Будь готов!» и ответ «Всегда готов!» А почему бы нет? Морщитесь сколько угодно, если хотите. По-моему, быть всегда готовым ответить на вызов, помочь человеку, защитить страну – куда лучше, чем всегда «готовым» на парковой скамейке с пузырьком пива. А чем плохи спортивные соревнования, сборы, походы, военные игры? Конечно, и это все может превратиться в нудную формальность – но тут уж все зависит от руководителя.

Нам с руководителем повезло.

И все-таки скаут (пока, во всяком случае!) на наших улицах зрелище не слишком обычное.

Но, когда мы вечером высадились на улице Бряндино, откуда должно было начаться наше путешествие, никто особо не удивился. Решили, что мы туристы или те же поисковики.

Мы здорово устали, если честно. Шел мелкий дождик, было прохладно, хотелось есть, в автобусе нас потрясло, все провоняло бензином. В принципе надо было двоим-троим остаться с вещами на привокзальной площади, а троим-двоим идти искать гостиницу или хоть какой-то

ночлег. Но это означало, что мы непременно нарвемся на драку – не те, так другие, потому что в подобных поселочках у молодежи всех развлечений и есть, что выпивка и драки. А с пятью сразу связываться не станут почти наверняка.

И мы пошли впятером.

Такое достижение цивилизации, как уличный фонарь, здешних жителей, очевидно, раздражало, потому что, как я видел, все лампочки были побиты. Быстро вечерело.

– Если и найдем гостиницу, то окажется, что там «местов нет», – пророчески объявил Валька Шалгин, мой лучший друг еще с первого класса школы. Он Шалгин, я Шалыгин, но мы не родственники. Хотя на уроках, когда к доске вызывают, часто путаемся...

– Ага, какой-нибудь Девятый Всероссийский Сполз Любителей Граненого Стакана, – поддержал его Олег Строкалов. И сам сократил: – Дэвэсэлэгээс. Звучит-то как...

– Знаете, как по-сербски «летучая мышь»? – спросил Игорь Островой. – Пырац.

– Ну и что? – не понял Игорь Демидов.

Остров пожал плечами:

– Ничего. Похоже.

– На что? – удивился Дэм.

Остров снисходительно объяснил:

– На летучую мышь, дубина. Пы-рац. Представь себе.

– Я себе только ужин могу представить, реально...

– Пырац, – повторил я.

Слово действительно было похоже на летучую мышь. А гостиницу мы нашли через полминуты – за поворотом улицы.

Притон гостиница не напоминала ни снаружи, ни изнутри. Это был ветхий одноэтажный домик, похожий на обычный жилой особнячок, но табличка над крыльцом с расшатанными перилами возвещала однозначно:

МУП ЖКХ «ТЕРЕМОК»

– А что такое МУП ЖКХ? – спросил Валька, уставившись на эту вывеску.

– Муниципальное предприятие жилищно-коммунального хозяйства, – разъяснил Дэм. – Дэвэсэлэгээс.

Внутри было чистенько и тихо, горела над стойкой единственная лампочка, под ней дремала какая-то бабулька. У Олега и Острова паспорта уже имелись; мы трое по возрасту тоже должны были... но не успели оформить, сами понимаете. Впрочем, бабулька и не настаивала. Места тоже были. Олег спросил:

– У вас люксы есть? И чтоб девочек заказать.

– Вы кто ж такие? – поинтересовалась бабуля, передавая нам ключ. – Туристы?

– Знатоки родного края, – подтвердил Олег. – Землепроходимцы, золотоискатели...

– А где ж руководитель ваш? – продолжала допрос бабка.

– В болоте потоп наш старшой. Аккурат вчерась с утречка, – сообщил Олег. – Завтра по свету поминки по нем гулять будем... Это нам куда?

– Вон туда по коридору, – показала бабулька. – Солома там свежая, вчерась перестлали. А собак шуганите, ежли брезгуете. До ветру на двор...

– Здорово она тебя, – заметил я, когда мы уже открывали дверь в номер.

Номер оказался с пятью кроватями вдоль стен в одной-единственной комнате. Посредине стоял стол со стульями и искусственными цветами в вазе, у двери – шкаф, в котором висела вешалка. В небольшой выгородке обнаружился умывальник и унитаз. Одно окно из комнаты выходило в сад за гостиницей.

– Ничего, – сказал Валька, сбрасывая рюкзак на пол. – Даже уютно.

– Все самые зловещие преступления совершаются вот в таких тихих местах, – сообщил Олег. – Вампиры, оборотни, сектанты, людоеды...

– Где бы нам поесть существенно? – спросил Дэм. – Интересно, тут буфет есть?

– Есть-поесть... – пропел Валька. – Какой буфет, опомнись, Дэм! Сухим пайком перебежмся... Вали все на стол, скауты!

В рюкзаках у нас и впрямь было достаточно всякой всячины, взятой в дорогу или положенной родителями, и скоро мы уже сидели вокруг стола и лопали.

– А знаете, – вдруг сказал Олег, посерьезнев, – вот именно в эти дни в сорок втором Северо-Западный и Ленинградский фронты начали наступление, чтобы снять блокаду Ленинграда...

Строк о Великой Отечественной знал если не все, то намного больше школьных учителей истории и вообще взрослых. Мы перестали жевать.

– И что? – спросил Валька. – Наши победили?

– Не. – Строк мотнул головой. – Гитлеровцы очень упорно оборонялись... Ничего не получилось. А 2-ю ударную армию заманили в болота и уничтожили. Тогда еще Власов⁵ сдался.

Про Власова мы помнили хорошо. Великую Отечественную мы должны были проходить только в будущем году, но Строк ходил в исторический кружок и в марте накричал на Виктора Константиновича, учителя истории, который кружок вел. Тот сказал, что генерал Власов просто боролся со сталинским режимом и искренне хотел пользы для России. Говорят, что Олег покраснел, как помидор, вскочил и сказал, что Власов сволочь и предатель, да еще и трус, что награды от Сталина он брать не стеснялся, а как приперло – так сразу стал «борцом с режимом»... Виктор Константинович запретил ему появляться на заседаниях...

– А странно вообще-то... – Валька подпер голову рукой. – Вот все это было... И не так уж давно, а кажется – как в сказке. Интересно, вот в этом здании что тогда располагалось? Оно же старое...

– Какое-нибудь германское учреждение, – сказал Строк. – Можно у той бабульки спросить, она наверняка знает.

Но спрашивать мы не пошли – еще пожевали и расплзлись на кровати. За окнами по небу ползли тучи – нехорошие, уже с явным дождем, сразу со всех сторон. Глазеть на них было скучно, да и вообще почти стемнело.

– Давайте карту посмотрим, – предложил Остров. – Хоть предварительно определим, куда завтра идти.

Мы снова собрались у стола и развернули на нем большую карту района, в котором оказались, – ее нам выдал АСК. Район покрывалом затягивали леса с раскиданными в них редкими деревушками, пересекали кое-где железные дороги и шоссе.

– Надо бы выбрать какое-нибудь более-менее доступное место, – предложил Валька, – но чтоб с историей... Где, кстати, Леня Голиков погиб?

– В селе Острая Лука, – ответил я, – это далеко.

– Жаль...

⁵ А. А. Власов – генерал, один из любимцев Сталина, отличившийся в боях под Москвой зимой 1941/42 г., – это правда. Но правда и то, что летом 1942 года самонадеянность Власова послужила причиной того, что его 112-тысячная 2-я ударная армия, созданная для деблокады Ленинграда, почти полностью погибла в окружении. Большинство бойцов героически сражались и пали смертью храбрых, но их командир, даже не попытавшись оказать сопротивление, сдался в плен врагу. Более того, в плену Власов стал активно сотрудничать с гитлеровцами, обманом и угрозами вербовал, разъезжая по лагерям для военнопленных, в созданную им Русскую освободительную армию отчаявшихся, напуганных людей, а то и просто уголовников и бандитов. В военном отношении его «армия» была почти бесполезна, но власовцы прославились расправами с мирным населением не только в СССР, но и во Франции и Югославии. Впрочем, часть людей поступала в РОА, чтобы получить оружие и перебежать обратно к своим, а другие подготавливали и осуществляли восстания против гитлеровцев (как, например, весной 1945 г. в Чехословакии). Сам же Власов был казнен уже после войны как предатель. В настоящее время многие «историки» пытаются выставить неудачника и труса в роли «борца со сталинским режимом», но это не только исторически недостоверно, это еще и порочит память русских бойцов, попавших в плен, но сумевших сохранить воинскую честь и человеческое достоинство. Таких было подавляющее большинство как среди солдат, так и среди офицеров и генералов.

– Э, а в гостинице не мы одни живем, – вдруг совершенно не в тему сказал Дэм. Мы подняли на него глаза, и он пояснил: – Во, слушайте. Кто-то музон крутит.

Мы прислушались. Да, правда... Где-то – то ли в коридоре, то ли в одном из соседних номеров – слышалась музыка. Гармошка, кажется (у кого это такие вкусы?!) и мужские голоса.

– Народное что-то, – определил Остров, – нам-то что? Я предлагаю...

Прежде чем склониться над картой, я вдруг понял, что знаю эту музыку.

И слова знаю, но только по-русски:

У каланчи пожарной,
У больших ворот,
Столб стоит фонарный
Уже не первый год.
Ты приходи побыть вдвоем
Со мной под этим фонарем –
Лили Марлен,
Лили Марлен...⁶

У кого-то и в самом деле странные вкусы.

⁶ «Лили Марлен» – лирическая песенка, любимая гитлеровскими солдатами, в какой-то степени аналог нашей «Катюши».

3

Я проснулся от того, что под окном, в саду, без конца заводили и никак не могли завести мотоцикл – он глох. С полминуты я лежал, соображая, где нахожусь. Ребята сонно дышали на соседних кроватях. Что-то мягко шуршало по крыше. Мои часы показывали половину второго ночи. Глядя на их циферблат с фосфоресцирующими цифрами, я почти уснул снова, но мотоцикл опять взревел и оборвался нехорошим хрипом. «Свечи», – подумал я, вставая. Мне не перестало хотеться спать, но посмотреть на людей, которым в полвторого приспичило куда-то ехать, стоило.

Пол был холодный даже сквозь прикроватный коврик, да и вообще – когда я вылез из-под одеяла, в комнате оказалось очень холодно. Протиснувшись между кроватями, на которых спали Остров и Шалга, я подошел к окну.

Мне сразу стало ясно, откуда тот монотонный шорох. Снаружи шел дождь. Добротный, несильный, но занудный. На небе – ни просвета. Над черным ходом гостиницы – ну, в саду – горела тусклая лампа под жестяным абажуром. В ее свете я увидел двух человек в блестящих от воды широких плащах с пелеринами, цветом похожих на мокрую клеенку. Они возились возле здорового «Урала» с коляской. «Менты», – сонно подумал я и, пробираясь обратно к своей кровати, задел свесившуюся руку Вальки. Он немедленно сел и спросил, не открывая глаз:

– Чпрж?

Несомненно, это означало: «Что, пора уже?»

– Да куда не пора, спи, – буркнул я, и Шалга рухнул обратно в постель. Я тоже уселся, готовясь лечь и проклиная себя за излишнюю возбудимость: никто не колыхнулся, один я вскочил!

По коридору быстро прошел человек, неразборчиво окликнул кого-то. Ему ответили, потом двое громко, но так же непонятно заговорили. Вот вам и пустая гостиница... Днем выспались, ночью гуляют, мотоциклы заводят... Я посидел и начал одеваться, собираясь выйти и попросить!!! вежливо попросить!!! чтобы заткнулись!!!

В майке, штанах и кроссовках на босу ногу я вышел в коридор.

Горела у поворота дежурная лампочка.

Пусто.

Тихо.

Я озадаченно потер нос. В коридоре было еще холоднее, чем в номере. Стараясь ступать потише, я прошел до поворота, выглянул.

В маленьком вестибюле было пусто. Дежурная бабулька хрестоматийно вязала, сидя за стойкой, но, едва я высунулся, подняла голову и улыбнулась:

– А ты что ж не спишь?

– Не спится... – неопределенно ответил я. – Бабушка, а кто тут сейчас разговаривал? Громко очень, я хотел сказать, чтобы тише...

Она отложила вязание, посмотрела на меня странным взглядом. Краем уха и мозга я отметил, что мотоцикл заткнулся... а каким-то еще чувством понял – за моей спиной прошел человек.

Я обернулся. Он удалялся по коридору – быстро, широко шагая, а мне лампочка била в глаза, и, когда я проморгался, в коридоре уже никого не было. Я вновь повернулся к дежурной. Она так и смотрела на меня, потом опустила глаза и тихо сказала – так говорят пожилые люди, когда не хотят, чтобы их слышали, забывая, что у них самих слух уже плоховат, а подростки слышат намного острее взрослых:

– Опять... Никак не уймутся... – Она снова подняла глаза и улыбнулась: – Иди спать, мальчик. В гостинице никого нет. Тебе приснилось.

Я открыл было рот, чтобы возразить, но мне внезапно стало очень страшно. Не жутковато, а именно страшно – даже бабулька показала мне какой-то зловещей. Я попятился, мечта об одном – оказаться в своем номере, возле ребят. Потом повернулся и быстро пошел по коридору. Почти за всеми дверями отчетливо звучали голоса – тише, громче, два, несколько... Говорившим было плевать на ночное время – они перебивали друг друга, спорили, шумели, и я не мог понять, что они говорят. Стиснув зубы и опустив глаза, я дошел до своей двери; меня обогнал человек, вошел в соседний номер. Еле сдерживаясь, чтобы не заорать, я ввалился к себе и, прихлопнув дверь, запер ее на задвижку, не осмеливаясь даже поглядеть в окно. В голову лезли строчки из песни:

Мы на краю села
С тобой вдвоем живем.
Нечистая родня
Нас хочет съесть живьем...
Смотри – в окно глядит
Твой умерший отец!
Еще немного, и
Нам всем придет конец...

Звуки как отрезало. Я поднял голову. Света в саду не было, никто не возился в темноте с мотоциклом... Погасили и уехали? А звук?

Тебе я говорил:
Мол, лучше не ходи
В сортиры по ночам –
Избави господи!
Но ты была горда...
Я вижу результат –
Твой бездыханный труп
Они низвергли в ад...

Чушь какая... Я потряс головой, потер лицо руками. Отошел от двери и сел на кровать, не сводя с нее глаз. Сейчас поскребется в нее бабулька (когтями!!!), скажет: «Мальчик, отдай мою голову...» Или типа: «Открой, я хочу есть...»

– Ты чего не спишь?

Я аж подскочил. Приподнявшись на локте, Валька смотрел на меня – поблескивали белки глаз.

– Я-а?!

– Ты-и, – передразнил он меня, садясь на постели: – Уй, холодильник какой... То к окну таскаешься, то на кровати сидишь... Бессонница, что ли?

– Да нет... – промямлил я, – все нормально... – но потом выпалил: – Мне чего-то страшно, Валь...

Я уже говорил, мы с ним знакомы полжизни. Валька не стал смеяться или обзывать. Он подумал и сказал спокойно:

– Да это просто на новом месте. И приснилось что-нибудь.

А ведь точно... Может, я и не ходил никуда? Сел на кровати спросонья, а все остальное – сон? Ффуххх...

(...и оделся я тоже во сне?!)

* * *

Утро было солнечное и теплое, от дождя и туч – ни следа. Все ночные страхи казались мне не то чтобы беспочвенными, а скорей так – нервы и все прочее. Мало ли что? Как-то, лет в десять, я нюхнул клейку в пакете, скажу вам честно, и видел разную фигню – ну, «мульттики». Может, и тут что-то похожее, а я уж пошел копытами бить...

На нашу толкотню возле умывальника в дверь постучалась дежурная – уже не та бабулька, а вполне молодая и энергичная женщина, которая с ходу на нас наорала и заявила, что подтирать пол за нами не будет. Мы заверили ее, что и сами подотрем, а потом спросили, где тут можно поесть, и она, сменив гнев на милость, сказала, что за углом есть закусочная, а вещи можно пока оставить в номере, даже если мы больше тут не останемся, все равно гостиница пустует.

Снаружи было тепло, и все говорило, что скоро лето. Мы неспешно прошли квартал «за угол» и обнаружили эдакое семейное предприятие под вывеской:

«ЗАХОДИ!!! У нас – как дома»

Вообще-то там и правда оказалось, «как дома». Несколько столиков, окошко; столики пустовали – наверное, из-за раннего часа. Они были четырехместные, но мы придвинули еще один стул и уселись сообща. Довольно мелкая девчонка пришла за заказами и, приняв их, сообщила, что все будет готово в наикратчайшие сроки, а пока пусть мы немного подождем.

Мы согласились, естественно. И уставились за окно на улицу – такую же тихую и сонную, как и весь поселок. Вчера мы договорились, что поедем в местечко под названием Сухой Лог – про него в путеводителе было сказано, что во время освобождения там были тяжелейшие бои, и само местечко находилось недалеко от поселка. Может быть, туда даже ходил автобус – это еще предстояло выяснить.

Выяснять это пришлось мне – я поел первым и, в общем-то, без особых раздумий предложил сходить на станцию, пока остальные едят, а они пусть зайдут за рюкзаками и тоже идут туда.

Вчера, во время нашей высадки, из-за усталости и погоды мы не заметили, что неподалеку от станции располагается старая церковь. Я плохо в этом понимаю, но церковь была красивая и сейчас ее занимал музей, о чем говорила табличка. Около резных металлических ворот стоял немолодой мужчина в брезентовой балахонистой куртке и сапогах – у него был вид только что вышедшего из чащобы лесника. Он меня и окликнул, когда я проходил мимо:

– Эй, парень! – Я обернулся. – Можно тебя на минутку?

Вокруг было пусто – раннее утро, оно и есть раннее утро. У меня в душе шевельнулось опасение. В принципе я мог бы от него отбрыкаться... ну а если я подойду, а он фуганет в лицо чем-нибудь из баллончика? Прошлым летом у меня вот так погиб одноклассник. Его потом нашли на одном пустыре, где начинали когда-то стройку. Сперва хотели списать на то, что, мол, мальчишка обнюхался или обкурился, но родители подняли шум, и выяснилось, что его усыпили хлороформом, изнасиловали, а потом просто добавили еще порцию снотворного. Того, кто это сделал, так и не нашли.

Так что я не торопился подходить, и мужчина подошел ко мне сам. Пятиться было как-то глупо, я остался стоять на месте.

Он не торопился на меня нападать. От куртки пахло дымом, глаза у незнакомца были серьезные и беспокойные.

– Не бойся, – сказал он. – Я просто спросить... Это вы приехали вчера и ночевали в гостинице?

– Да, – коротко ответил я, краем глаза увидев, что на улице появились несколько человек – они неспешно шли к вокзалу. Я расслабился.

– Может быть, мой вопрос покажется странным... – Он нахмурился. – Ночью... Ничего непонятного не происходило?

– Что вы имеете в виду? – вопросом ответил я. Шевельнулось почему-то желание все рассказать.

– Я Скворцов, Алексей Данилович. – Он достал паспорт, протянул мне. – Смотритель музея и краевед... Видишь ли... – Он вздохнул, смерил меня взглядом и покачал головой: – Нет, ничего. Извини.

И пошел прочь – к своей церкви-музею.

Несколько секунд я боролся с искушением – мне страшно хотелось догнать его и рассказать все. Но только несколько секунд.

Не сумасшедший же я, в самом деле.

4

В Сухой Лог автобус ходил аж дважды в день, и в тот момент, когда он уже подошел, а я начал нетерпеливо подпрыгивать, явились все наши с вещами.

Мы заняли заднее сиденье, устроив рюкзаки на полу. Кроме нас и двух бабулек, да еще женщины-контролера, у которой мы купили билеты (касса не работала), в салон больше никто не сел, и водитель (с опозданием на пятнадцать минут), буркнув контролеру: «Ну, поехали, что ль?» – отчалил от вокзала. Именно отчалил. Вам никогда не приходило в голову, что автобус в своем движении похож на десантный корабль?

Мы минут пять ехали по асфальту, а потом свернули на грунтовку, и по обе ее стороны сразу же непроходимой стеной встал лес. Не посадки, а именно лес, зеленый на опушке и аж черный в глубине. В таком лесу таились болота, бродили лешие и сидели на ветвях русалки. Несмотря на то, что май только начинался, в подлеске расправил стебли какой-то обалделый папоротник, наверное, мне по грудь. Автобус не монтировался с лесом и даже с этой дорогой, на которой непременно обязан был расположиться на семи дубах Соловей-Разбойник, ожидающий путников, чтобы совершить рэкет и убийство с особой жестокостью. Мы все видели леса – и каждый раз они производили оглушающее впечатление своей мощью и вечностью. Просто не верилось, что человек может с ними хоть что-то сделать.

– Вот где партизанить-то, – сказал Валька благоговейно. И, когда навстречу проскочила легковушка, мы проводили ее недоуменными взглядами, настолько она показалась неуместной. Мы уже собрались порассуждать на эту тему, но автобус вдруг подскочил, как взбрыкнувшая лошадь, – и встал.

Водила вывалился из кабины и через полминуты сказал, открывая дверь пассажирского салона:

– Пиндец, колесо прокололи.

– Милок, а когда поедет-то? – робко подала голос одна из бабулек.

– А вот поменяем – и поедет, – бодро отозвался, чем-то звеня, водитель. Дэм поинтересовался:

– Помощь не нужна?

– Нужна будет – позову, – определил водитель положение.

Оставив рюкзаки в салоне, мы выбрались наружу. На лесной дороге было прохладно – чувствовалось, что еще ой как не лето. Остров предложил:

– Ну чего, мальчики направо, девочки налево?

Налево не пошел никто, а направо – только мы с Островом.

Мы углубились метров на десять и повернулись друг к другу спинами. Я сделал еще шаг – ближе к дереву, здоровенной сосне – и что-то подалось у меня под левой ногой.

Ругнувшись от неожиданности, я плюхнулся на мягкое место, потом – на спину и съехал в какую-то яму...

8 мая 2005 года

ИЗ ОПЕРАТИВНОЙ СВОДКИ ПО РАЙОНУ

На отрезке грунтовой дороги пгт. Бряндино – село Сухой Лог при загадочных обстоятельствах пропал без вести Борис Юрьевич Шальгин (14 лет). Во время вынужденной остановки автобуса, на котором он с друзьями (все они члены скаутской дружины им. Лени Голикова г. Новгорода; данные и протоколы допроса см. ниже) ехал в Сухой Лог с целью подготовки места для проведения праздничных мероприятий, посвященных 60-летию победы в ВОВ, Борис отошел в сторону от дороги и не вернулся. Он не был найден и в результате последующих поисков, организованных сперва его товарищами, позднее – представителями власти. След Бориса загадочно обрывается в восьми метрах от дороги. Чужих следов не обнаружено...

* * *

На дне ямы я крепко приложился затылком о корень и с полминуты ничего не соображал – лежал и глядел в крону сосны высоко-высоко над головой. Сквозь нее ярко просвечивало небо. Потом стало больно, я охнул и сел, опираясь на руки.

Так и есть. Я поскользнулся на размокшем куске земли – след моего скоропостижного спуска по откосу ямы ясней ясного об этом говорил. Наверху почему-то было тихо, и я позвал:

– Остров! Олег, ты где?

Ответом было молчание. Скауты в принципе ругаться не должны, но я, подождав еще полминуты, обложил крону сосны как следует и, не считаясь с грязью, выкарабкался – аж комья из-под кроссовок летели – на край ямы. Просто удивительно было, как я ее не заметил, она оказалась свежей...

Олега не было. И вообще – что-то странное сквозило в окружающем. Настолько странное, что я не очень понимал, откуда это чувство тревоги, охватившее меня. Я свистнул, чертыхнулся и пошел к дороге.

Автобуса на ней не оказалось. Это до такой степени было неожиданно и дико, что я минут пять, не меньше, стоял и таращился то в одну сторону, то в другую. Потом спросил:

– Что за шутки?

Иначе как идиотскую, дичайшую шутку – совершенно не в стиле моих друзей – это и расценить было нельзя. Что же такое – когда я сверзился в яму, Олег бегом рванул к автобусу, прыгнул в него (а водила как по заказу закончил ремонт) и сказал что-то вроде: «А Борька решил там остаться». И все поехали дальше с песнями.

Я хихикнул. И понял, в чем дело. Что меня так беспокоит, стоит мельком посмотреть по сторонам.

Вокруг меня был не тот лес. И я стоял не на той дороге.

Изменилось все. За какие-то минуты исчезли одни деревья и появились другие, разросся подлесок, буйно вымахали кусты на обочинах, куда-то пропали дренажные канавы. А сама грунтовка сузилась на треть. Именно потому, что поменялся весь пейзаж целиком, я и не сразу сообразил, в чем дело.

– Господи, – сказал я и перекрестился. Зажмурился, помотал головой. Неужели я так сильно ударился затылком? Или я вообще умер?

Открыв глаза, я прислушался. Вокруг царил лесная тишь. Ни единого человеческого звука.

Мне стало страшно. Именно от этой тишины. Я еще раз осмотрелся и ущипнул себя за руку. Сильно, больно ущипнул, и эта боль заставила меня поверить в реальность окружающего меня пейзажа. Но с другой стороны – этого же не могло быть. Вообще не могло. В принципе.

И все же это было.

Я раньше иногда задумывался, куда пропадают те десятки людей, которых постоянно кто-то разыскивает. Нет, большинство или убегают, или их похищают. Но ведь есть случаи, которые никак объяснить нельзя. У АСКа есть приятель, майор милиции. Однажды он с нами ходил в поход и беседовал вечером, ну, костер, все такое... Он клялся нам, что из ста случаев неожиданных пропаж 75 – побег и уходы (такие люди, что взрослые, что дети, почти всегда или сами возвращаются, или их находят), 24 – похищения (и этих не находят почти никогда). Но есть еще один случай из ста – один процент, – который необъясним в принципе. Вообще никак. **ВООБЩЕ**, понимаете? Ну, мать выглянула из комнаты в коридор – на секунду, не больше, а у нее за спиной пропал шестнадцатилетний парень; отворачивалась по счету «раз» – сидел за столом, повернулась по счету «два» – нету. Или водила обошел вокруг грузовика на пустынной полевой дороге, на пару секунд скрылся из глаз напарника – и все.

Кажется, теперь мне предстояло точно узнать, что с ними случается. Ведь это так и выглядит – Олег повернется на мой вскрик, подойдет к яме, а меня нету.

И что тогда? Меня будут искать... А мама?! А отец?!

В этот момент я готов был принять или придумать любое объяснение, лишь бы защититься от этих мыслей.

– Лю-ди-и-и!!! – заорал я отчаянно, даже кулаки стиснул и на цыпочки привстал. Ответом мне было молчание леса.

На дороге отпечатались множество следов – и каких-то колес, и человеческих ног, и некоторые выглядели свежими. Я побежал в ту сторону, где располагался Сухой Лог. До него оставалось еще немало, но, в конце концов, это же не пешком до Китая, а люди тут есть. Я доберусь туда и попробую выяснить, что и как. Может быть, это все-таки некая глупейшая шутка, какой-нибудь выверт природы, и все разъяснится, как только я окажусь в деревне.

Переходя с рысцы на шаг и обратно, я двигался по дороге часа два, не меньше, стараясь сосредоточиться только на беге и больше ни о чем не думать. Становилось все теплее, солнце поднималось выше, прогоняло утренний майский холод, от вчерашнего дождя не осталось и воспоминаний. Берет я убрал под погон, расстегнул пошнуре куртку.

Дорога кончилась неожиданно. Вернее, она не кончилась, а повернула под прямым углом, и на этом повороте стоял указатель. Я затормозил и остался стоять, задрал голову.

Черным по белому на нем было написано:

«dorf. Suchoj Log»

5

Я стоял и смотрел на столб с указателем непонимающими глазами. Потом пошарил взглядом вокруг – сам не знаю зачем – и увидел в молодой траве обломок синей с белым таблички. Медленно наклонившись к ней, я прочитал пошедшие пузырями белые буквы вслух:

– «...ой Лог».

Выпрямился и посмотрел туда, куда показывала стрелка.

Дорога резко шла под уклон. Под горкой начиналась деревенская улица. Два крайних дома чернели развалинами. Оттуда не доносилось ни звука, хотя остальные видимые дома были целы. За деревней снова начинался лес, на его фоне что-то двигалось. Я присмотрелся. Трактора?

Но это были не трактора. Впереди юрко подскакивала коробочка мотоцикла с коляской. А за ним неспешно, переваливаясь с борта на борт, ковыляли на фоне березняка два бронетранспортера. Из воинской части, что ли? Или кино снимают?

Я снова посмотрел на указатель.

Дико вскрикнул и со всех ног бросился бежать в лес, не разбирая дороги.

* * *

Сжав голову ладонями, я сидел под сосной и пытался не думать. Если не думать, то все разрешится само собой. Я посижу-посижу, встану, пойду на дорогу и там найду остановку автобуса. И поеду на нем домой. Подальше от этого сумасшествия. Если не думать, то ничего и не будет. Я посижу-посижу, и все утрясется. Я поймал себя на желании сунуть палец в рот и, отдернув руки от головы, зажал их между колен и закачался, тихо постанывая.

Перед глазами у меня плавала вывеска:

«dorf. Suchoj Log»

Я зримо ощущал ее, она змеилась и текла через мое сознание черной струйкой.

Надпись на немецком языке...

Я зачем-то посмотрел на часы. Было двадцать минут двенадцатого. 8 мая 2005 года. Так показывал календарь. А столб – это чья-то дурная шутка.

Так вот почему грунтовка была такой узкой и такие странные следы от колес! Тут почти не ездят на машинах. А от тех, кто ездит, надо держаться как можно дальше...

Я всхлипнул, но тут же заставил себя умолкнуть. Слезами не помочь делу. Надо вернуться к той яме. Обязательно и поскорей. И ждать. Может быть, то, что вышвырнуло меня в это время, сработает и обратно?! Буду биться головой о корень, пока не посинею – может, все дело в этом?! А если нет...

Об этом не хотелось и думать. Как не хотелось думать и о том, что тут хозяйничают настоящие немцы. Нет, не немцы. Немцы – это были те ребята, которых мы видели, когда ездили в Данию. Веселые, в яркой форме со множеством нашивок, дружелюбные, перенимающие у нас русские словечки. А здесь нет таких немцев.

Здесь – фашисты.

Я развязал узел галстука и, бережно его сложив, спрятал в кармашек для ножа на камуфляжных штанах. Не знаю зачем – скаутский галстук был зеленый, а не красный, как у пионеров в эти годы. Потом поднялся и начал красться через лес обратно, к дороге.

Я не боялся заблудиться. Кроме того, во мне еще жила неистовая надежда, что все само собой «устаканится» – точно так же, как само собой произошло. И все-таки возле дорожной обочины я сидел в кустах не меньше получаса.

Жизнь в деревне была, я слышал звуки, но какие-то вкрадчивые, осторожные – дверь скрипнет, пара слов донесется... Ни собачьего лая, ни каких-то признаков домашней скотины или птицы не имелось – как отрезало. Чтобы идти обратно к той яме, надо было повернуться спиной к деревне, и, хотя ее скрыл поворот, я оглядывался почти на каждом шагу. Мне почему-то казалось, что немцы именно там, сзади.

Я забыл, что они могут быть везде. И попался, как последний щенок, а не как «медведь».

Они вышли из леса буквально метрах в десяти от меня – там сворачивала в сторону какая-то тропинка. И – высшая степень досады!!! – явно меня не видели до последнего, уделяя я побольше внимания тому, что впереди, все было бы благополучно, я бы успел спрятаться. А так мы – я и двое немцев – обалдели почти одинаково и смотрели друг на друга секунд десять.

Не знаю, что они увидели и за кого меня приняли. Но когда я повернулся и пошел – как в глупой комедии поступает герой при неожиданной и нежеланной встрече – обратно, они еще столько же недоуменно переговаривались, не окликаая меня. А я шел, как во сне, все больше и больше убеждаясь, что это неправда. И даже когда один меня окликнул, в его голосе было скорей недоумение и даже какое-то расположение:

– Хай, ду, гитлерюгенд! Вохинст ду?!⁷

Я отмахнулся рукой, не оборачиваясь. И тогда один из них крикнул – уже строго, хотя еще и не зло:

– Хэй, кнабэ, цурюк, шнеллер!⁸

И я сделал еще одну глупость. Я не прыгнул в кусты, а побежал по дороге. И продолжал бежать, пока не услышал выстрел и не замер на месте, боясь оглянуться.

Немцы, судя по звукам, бежали ко мне. Один что-то сердито кричал другому, тот вроде бы оправдывался. Я повернулся – медленно, не дыша – и теперь рассмотрел их как следует.

Они правда походили на немцев из фильмов – именно с таким оружием, в серой форме с большими карманами, в пилотках, обоим где-то лет по тридцать. Лица у них были сердитые, но не злые. Они что-то говорили, перебивая друг друга, один дал мне подзатыльник, но несильный, и во мне опять ожила дикая надежда: кино! Да кино же! А это артисты из Германии...

И тут же все переменялось. Они примолкли, приглядываясь ко мне. Один спросил:

– Шпрейхн зи дойч?⁹

Вопрос я, конечно, понял. И медленно покачал головой.

– Ти рюски? – сразу спросил второй.

Какой смысл имело говорить «нет»? А «да» сказать было так страшно, что я промолчал. И понял, до чего это жутко: бояться сказать, какой ты национальности. Для меня всегда было естественно, что я русский.

А сейчас это сделалось почти что смертным приговором.

В лесу немцев оказалось до черта. Вернее, это мне так сперва показалось, что до черта, – на самом деле, где-то полсотни. Вкусно пахло – я увидел полевую кухню, возле которой торчали, что-то говоря, несколько солдат в нижних рубашках. Повар в белом огрызался со своей высокой приступочки, помешивая в котле, замахнулся половником, кто-то подставил миску, что-то сказал, остальные заржали... По периметру поляны в траве валялись другие. Несколько человек играли в карты, еще несколько собрались вокруг молодого парня с гармошкой, кото-

⁷ Эй, ты, гитлерюгенд! Откуда ты?! (нем.)

⁸ Эй, мальчик, назад, быстро! (нем.) (Прим. автора: не надо удивляться странному поведению описанных мной немцев. Дело в том, что на оккупированную территорию Прибалтики в 1941–1942 гг. было перебросено до 30 тысяч детей и подростков из организации «Гитлерюгенд». Они должны были осваивать навыки сельского хозяйства на завоеванных территориях (такая вот странная школьная практика!), но часто убегали на проходивший не очень далеко фронт. За одного из таких беглецов солдаты и приняли моего главного героя, введенные в заблуждение его странной одеждой и поведением.)

⁹ Говоришь по-немецки? (нем.)

рый играл на ней и пел низким голосом. За деревьями я различил ходящих часовых. Около ручейка несколько человек мылись или стирались, не поймешь.

Меня вели через этот лагерь, и никто вокруг не обращал на меня внимания. Вели к раскладному брезентовому столику, возле которого сидели двое – ничем не отличавшиеся от солдат вокруг. Но, когда мы подошли ближе, я увидел на столике поверх бумаг мятые фуражки. Это были офицеры, и они подняли головы.

Мне почему-то представилось, что сейчас солдаты, которые меня привели, вытянутся в струнку и вскинут руки, но они просто козырнули, как и наши, и особо не тянулись. Один из офицеров – постарше, сильно небритый – что-то ворчливо спросил. Второй – совсем молодой, как старшекласник, с красными сонными глазами – просто откинулся к стволу дерева и... задремал. Солдаты начали что-то объяснять – точнее, объяснял один, а второй то и дело тыкал меня пальцем в спину и кивал. Мне это страшно надоело, и после шестого или седьмого тычка я огрызнулся:

– Отстань, заманал!

Удивились все (кроме спящего офицера), и больше всех – я. Небритый офицер наморщил лоб, покопался в полевой сумке, что-то бормоча, потом махнул солдатам рукой, и те, повернувшись кругом, пошли прочь. Офицер достал толстую разлохмаченную книжку, она немедленно рассыпалась на листки, два спланировали к моим ногам, я машинально нагнулся и, подняв их, положил перед немцем. Он буркнул:

– Йа, данке...¹⁰ – и начал перебирать эту кучу. Все было до такой степени абсурдно, что мне захотелось спать и я с завистью смотрел на молодого офицера. А тот всхрапнул, сам от этого проснулся, обалдело посмотрел по сторонам, что-то бормотнул и уснул опять. Я хихикнул. Немец наконец разродился: – Ты кто? – Он ткнул в меня пальцем с обручальным кольцом.

– Борис Шалыгин, – не стал вертеть я.

Он кивнул:

– Ты от... откуда? – и сам поморщился, повторил: – От-кю-да... унмеглих¹¹.

– Из Новгорода, – опять не нашел ничего лучшего, как сказать правду, я.

– Ты беженец? – Я пожал плечами. – Ты должен отвлечь.

– Ну... да... беженец... – согласился я.

Он опять зарылся в книгу, то и дело что-то бормоча, явно ругаясь. Потом, стараясь держать пальцы в качестве закладок сразу в десяти местах, он начал вымучивать:

– Форма... какая... твоя... есть...? – и посмотрел на меня с надеждой.

– Это не форма, – я замотал головой. – Точнее, форма... моя старая одежда изорвалась... я снял с убитого...

Он свел брови, потер висок и толкнул соседа. Тот немедленно пробудился и начал вставать, еще не открыв глаз. Старший его усадил и что-то долго объяснял, потом повторил:

– Форма... какая... твоя... есть...? Форма... Форма... – и потряс себя за лацкан френча. Младший рылся в этой книжке.

– Убитый... – Я показал, что падаю. – Я снял с убитого. Моя разорвалась... – И я рванул рукав. – Ну ясно?

– Ты... бил... – старший отобрал у товарища половину книжки, они коротко поругались. Я терпеливо ждал.

– Ты бил... ранен? Ты... упал? Я просить про... форма, малтшик!

– Господи... – Я вздохнул и хотел снова пуститься в объяснения, но тут молодой разродился длинной тирадой, и оба уставились на меня неприязненно:

– Ты растеват мертви дойчес зольдат? – угрюмо спросил старший. – Ты ест мародер!

¹⁰ Да, спасибо (нем.).

¹¹ Невозможно (нем.).

– Что мне, голому было ходить, что ли?! – возмутился я. – И на нем не было написано, кто он! Лежал себе...

– На-пи-са-но? – Офицер потряс перед лицом руками. – Знак... знак... не бил?

На этот раз я вообще не понял, о чем он, и промолчал. Кажется, ему это было до фонаря. Оба офицера начали о чем-то дискутировать. Потом ведущий допрос опять начал мучить себя и меня:

– Куда... Куда бил убит зольдат? – Я молча показал на голову. Подловить решили... Мол, а где следы от попаданий на форме?! – Ты партизан?! – неожиданно гаркнул он, привстав. Его товарищ испуганно-удивленно посмотрел на соседа, но тот сам уселся обратно и махнул рукой. Потом опять крикнул: – Ваксберг! Уху, Ваксберг, Отто! Ком хир!¹²

Я понял, что им совершенно неинтересен.

Вот только неясно было, что они решили со мной делать?

¹² Сюда! (нем.)

6

Немец, который меня конвоировал, был не молодой и не старый, лет где-то 35, и не очень похожий на немцев из кино – невысокий, с простоватым лицом какого-нибудь колхозного тракториста, без каски и вообще без головного убора. И даже без знаменитого автомата, как у тех, которые меня схватили, – он нес под мышкой винтовку. Именно под мышкой, держа руки свободными.

Пока мы шагали через поле, я лихорадочно думал, не рвануть ли мне в сторону. Слева было открытое пространство, все в весенней грязи, но вот справа росли какие-то кусты. Я был уверен, что догнать меня он не догонит. А что он будет стрелять – вообще не верилось. Но в то же время мне было страшно. Вообще страшно, в целом, а не из-за конвоира или винтовки у него под мышкой. Это был противный, оглушающий страх, от которого я стал безвольным и вскоре бросил даже мысли о бегстве, а смотрел, как приближается опушка рощи вокруг станции и зачем-то считал шаги.

Как я и предположил, немцам я был на фиг не нужен. Не знаю, за кого они меня приняли сперва, но возиться со мной желания не имели. Я сообразил теперь, что эта часть шла, скорее всего, по своим делам – фронтовая часть, неполного состава, и пойманный случайно на лесной дороге русский пацан в камуфляже для них был лишней головной болью. А АСК учил нас, что любой хороший командир-фронтовик старается головную боль спихнуть с плеч своих людей на плечи тех, у кого голова обязана болеть по должности. Небритый, скорее всего, был хорошим командиром – его люди выглядели сытыми, веселыми и быстро подчинялись приказам. Вот он и отрядил бойца – веди, мол, Отто Какойтович, это чучело... куда?

Вот это и интересно. Не для Отто – он меня сдаст и обратно пошагает, на обед успеет, наверное. А вот для меня – интересно, и очень.

Немец меня не торопил. Он вообще ничего не говорил, а когда я пару раз оглянулся, то увидел, что у него абсолютно равнодушные глаза. От этого мне стало еще страшнее. Я понял вдруг: он доведет меня куда надо и сдаст кому надо, а потом забудет обо мне. Если бы ему приказали меня накормить и отпустить – он бы сделал так и тут же забыл обо мне. Приказали бы отвести в поле и расстрелять – он выполнил бы приказ и забыл бы обо мне точно так же. Это и было страшно.

Нет, если я побегу, он выстрелит. Потом проверит, убил ли меня, пойдет обратно и доложит о произошедшем. А потом пойдет на кухню получать обед. Я почувствовал дикий спазм в животе и даже замычал от этой резкой боли, а потом опять оглянулся.

– Хальт, – сказал немец и показал рукой, чтобы я остановился. Что-то еще сказал – я не понял и заискивающе пожал плечами, даже самому стало противно. Но немец был не из кино, он был настоящий, понимаете? Я не мог ничего с собой поделать. – Идти... штат, – он показал рукой налево, сошел на обочину сам и потыкал рукой. Какой «штат»? А, он сказал «ждать»! Я подошел – мои кроссовки с чавканьем погрузились в грязь. Немец был в грубых ботинках с короткими гетрами, ему легче. Он сел на сухую кочку, а я остался стоять. Меня начало потряхивать, я сунул руки в карманы, стоял и смотрел на него, не понимая, зачем мы сошли с дороги. Немец достал сигареты в яркой пачке – я с удивлением узнал «Pall-Mall» и невольно улыбнулся. Наверное, улыбка получилась тоже жалкой, потому что немец вдруг протянул мне пачку и, прикуривая другой рукой от зажигалки, сказал: – Раухен, нун?

– Я не... – у меня сорвалось в горле, я кашлянул и сказал: – Я не курю, спасибо.

Он что-то буркнул неразборчиво и стал глубоко затягиваться, глядя куда-то за мою спину. А я стоял и думал, что вот сейчас можно ударить его носком ноги в подбородок. Он здоровый, но от такого удара вырубится точно. И сидит он удобно. Забрать винтовку. Его хватятся не скоро. Бежать. Ведь ясно же, что он в хорошее место меня не приведет. Офицер не

захотел возиться со странно одетым мальчишкой и свалил это дело – а на кого? Да на каких-нибудь гестаповцев. Они увидят, что я в форме, узнают, что меня поймали на лесной дороге, – и начнут узнавать то, чего я сроду не знаю. Как им докажешь, что я не парашютист и не партизан, а скаут из 2005 года? Я и сам не очень верю, а они не поверят тем более. Рассказывать про убитого солдата, с которого я все это снял? Ну-ну, они прямо шнурки погладили и побежали мне верить...

Но мне было страшно. А если я не смогу свалить его одним ударом? А если меня поймают быстро? Если будут ловить с собаками? Тогда сразу убьют. Тут же... И чего он сидит, чего ждет?

А потом я понял – чего.

Точнее, сперва я услышал. Мне показалось, что по дороге гонят стадо – коров, что ли? Звуки – сопение, шлепанье, чавканье – мне живо напомнили такие стада, которые я видел в деревнях. Я сразу обернулся.

Но это были не коровы.

Это была первая увиденная мною здесь сцена, точно похожая на фильм.

По дороге шли люди.

Их было много, сотня или больше. Они шли медленно, даже волоклись скорее, в каком-то подобии строя, но в то же время строем не были – толпа, хотя на всех была военная форма. Вернее – ее остатки. На многих – шинели и даже ушанки, на других – гимнастерки, на ком-то – только галифе и нижнее белье, кто в ботинках, кто в сапогах, кто босиком... Это были мужчины – одинаково небритые и с одинаковыми лицами, серыми и безразличными, как небо осенью. Они казались сильно выпившими, не знаю почему – но это так. И только когда они оказались уже совсем близко, до меня дошло, что это пленные. Наши пленные. Я так и застыл – вполоборота, приоткрыв рот и распахнув глаза.

По бокам от колонны шли с десятков конвоиров. Они тоже шагали неспешно и были почти такие же усталые, но с живыми лицами и глазами. Без собак и тоже с винтовками, как мой конвоир. Только у одного, уже совсем немолодого (или просто седоватого, потому что в остальном он был мощный, крепкий и шагал широко), был хорошо знакомый мне уже в реальности автомат «шмайссер», который на самом деле не автомат и не «шмайссер», как объяснял нам АСК¹³.

Я смотрел на идущую мимо колонну и не мог толком вдохнуть – воздух лился в горло тонкой струйкой, и мне казалось, что сейчас я умру. Пленные равнодушно скользили по мне взглядами, и я вдруг сообразил, что они считают меня немцем. А как иначе? Одежда, конвоир сидит мирно и скорей похож на сопровождающего... Мне стало совсем нехорошо, но что я мог сделать? Крикнуть, что я свой? А смысл? И какой я свой?! Я вообще не отсюда!!! Я не сейчас!!!

Многие пленные были в бинтах, чудовищно грязных, не только окровавленных, а именно грязных. Кто-то помогал кому-то идти, кто-то кого-то почти волок, но в хвосте еле плелись человек пять или шесть. Один из них – круглолицый мужичок в лаптях и галифе с болтающимися завязками – негромко и заунывно говорил:

– Братцы... помогите, братцы... не бросайте, братцы... помогите, братцы...

Тем не менее он шел сам. А вот тащившийся рядом с ним худой молодой парень вдруг прямо на ходу рухнул наземь. Двое – они шли в самом конце – обошли его. Я видел, как он попытался подняться – снова и снова. Около него задержался один из конвоиров, такой же молодой, как и упавший, тоже с непокрытой головой. Он не бил пленного и не помогал ему, просто стоял рядом, широко расставив ноги в коротких грязных сапогах. Потом посмотрел на

¹³ То, что называют автоматом «шмайссер», на деле пистолет-пулемет (оружие, стреляющее очередями и использующее пистолетные патроны) МП-38 или МП-40. Конструктор Шмайссер действительно был в Германии, но он создал не это оружие, а появившийся летом 42-го настоящий автомат – оружие, стреляющее специальным патроном, мощнее пистолетного, но слабее винтовочного.

удаляющуюся колонну и свистнул через губу. Шедший позади конвоир отмахнулся, не оглядываясь.

Тогда этот парень воткнул в спину пленному – под левую лопатку – широкий плоский штык своей винтовки. Пленный дернулся и затих. Немец поворочал штык, выдернул его, вытер о гимнастерку заколотого и быстро пошел следом за колонной. Он прошел совсем близко, и я увидел, что он курносый, чуть веснушчатый, с грязными потеками на лице.

– Форвертс¹⁴, – буркнул, вставая, мой конвоир. – Гее, гее...¹⁵ – и мотнул стволом винтовки со штыком.

Я почти бегом бросился на дорогу. Поскользнулся, упал, но тут же вскочил. Во мне ничего не осталось, кроме страха. Раньше, когда я читал книжки про своих ровесников, попадавших в схожие ситуации, я часто удивлялся и даже возмущался тому, как нас описывают, – как трусов настоящих! А теперь... Да что теперь? Я прошел мимо заколотого человека, не в силах на него не глядеть. Он выглядел не так уж и страшно. Но я же видел, как его только что убили – просто за то, что он не смог идти!!! У меня в сознании это не укладывалось, но это было правдой. Я шагал, как ледяная статуя, у которой движутся только ноги. Потом начал плакать – независимо от моего желания или нежелания, у меня просто потекли по щекам слезы, и я всхлипывал, не стесняясь, и вытирал их рукавом. Потом и плакать перестал, и слезы высохли на щеках от теплого ветерка... А мы все шли и шли и, казалось, роца на горизонте никогда не приблизится достаточно.

За роцей пряталась станция. Она была шумная, людная, но не как обычный вокзал. Свистел пар, перекликались гудки, везде было полно народу в форме. Люди в гражданском пробирались по стеночкам, хотя они явно тоже занимались каким-то делом. Я поймал взгляд одного немолодого мужика с длинными усами, который шел куда-то с большим гаечным ключом – в этом взгляде были безнадежность и тоска. Говорили в основном по-немецки, но я слышал и еще какую-то речь, совсем не похожую на немецкую, и другую – наоборот, похожую, и непохожую третью, чем-то напоминавшую французскую, но отличавшуюся, и датскую – я выучил в Дании довольно много слов. От всего этого я обалдел. Составы ползли по рельсам – волокли вагоны, платформы, на которых громоздилось что-то под брезентом или открыто стояла техника с часовыми в глубоко надвинутых касках. Грузили уголь, дрова, заливали воду, волокли какие-то мешки, и все были очень заняты. Около одного из составов – в промежутке между другими – я увидел толпу гражданских, молодых ребят и девчонок, молчаливую и неподвижную, в оцеплении солдат. «Меня туда?! – вдруг вспыхнула мысль. – В Германию, на работы?! Но я не хочу!» Я даже обернулся на конвоира, но он вел меня мимо и в конце концов ткнул пальцем в открытую дверь, припертую камнем, чтобы не закрывалась.

Почти сразу за дверью была конторка, за которой стрекотала на пишущей машинке женщина и сидел толстый немец в расстегнутом кителе. Я почему-то сразу подумал, что он не военный, хотя и в какой-то форме. Еще один – пожилой, я сообразил, что он железнодорожник, по петлицам – пил на конторке кофе. Мне тоже захотелось. И еще начинало хотеться есть...

Мой конвоир им что-то долго объяснял. Они так же долго недовольно отнекивались. Женщина долго печатала, не поднимая глаз. Я долго ждал и думал про кофе и про то, как бы присесть. Позади меня стояла скамья, но я боялся на нее садиться.

Наконец, конвоир, судя по всему, одолел оппонентов, сунул им бумажку рапорта, отдал честь и вышел, что-то насвистывая. Я представил себе, как он пойдет обратно, пройдет мимо трупа на дороге... Потом вернется к своим и будет есть. А я в это время... Мне захотелось завить, и я не удержал стона, но тут же испуганно стиснул зубы.

Немцы устали на меня оба, и толстый спросил на чистом русском:

¹⁴ Вперед (нем.).

¹⁵ Пошел, пошел... (нем.)

– У тебя что-то болит?
– Нет, – поспешно ответил я, – нет, не болит...
– Герр обербаулейтер, – добродушно сказал он.

Я моргнул:

– Что?
– Добавляй «герр обербаулейтер», когда отвечаешь мне.
– Хорошо, герр обербаулейтер, – поспешно сказал я.

Он кивнул:

– Так. Ты сельский мальчик?
– Нет, я из Новгорода, герр обербаулейтер.

Он пожал плечами и, отвернувшись к машинистке, начал перебирать какие-то бумаги. Потом сказал через плечо железнодорожнику:

– Бауэр, бауэр... Ферфлюхте думмкопф, ландскнехтен... аллес идиотен зи!¹⁶
– Хильфе мир!¹⁷, – сказал пожилой.

Толстый вздохнул:

– О, йа, ихь бин дольчмейер, йа, йа, рихьтигь...¹⁸ Итак, мальчик, мы можем передать тебя в гестапо. Но у них полно дел. Кроме того, судя по записке, ты не замечен ни в чем предосудительном. Я уж не говорю о том, что придется заполнять кучу анкет, как будто ты жеребец-производитель, купленный за границей. Поэтому ты будешь кататься на одном из поездов господина Фунше, пока его начальству не надоест эта идиотская затея. Там у тебя будет компания, еда и масса свободного времени...

– Зоя, шрайб, айн кнабэ – нуммер... ух, арштойфель!¹⁹

– Аллес зер гут!²⁰, – пожилой достал из кармана записную книжку и, заглянув в нее, сказал: – Цвай унд нойнцейн таузанд зибн хундерт фюнф унд фирцейн!²¹. Сделав какую-то пометку, он обошел вокруг конторки, взял меня за плечо и, подталкивая перед собой, вывел в небольшую комнатку по соседству – я даже не сразу заметил дверь в нее. Это была подсобка не подсобка, какая-то хренотень вроде этого. Он молча кивнул на стул, стоящий возле стола под забитым пылью окном, а сам завозился у настенного шкафа. Потом повернулся ко мне и жестом показал, как закатывает рукав на правой руке.

Я похолодел. В горле поперечной планкой встало дыхание. Мне вспомнилось, что немцы брали у детей кровь для раненых. Неужели?! Но в таких условиях... Да нет, не может быть! Негнущимися пальцами я закатывал рукав камуфляжа и защитной водолазки под ним. Немец подошел, что-то неся в руке, – от страха я не мог понять, что это, но не шприц – точно.

Он приложил этот предмет к моей руке на ладонь выше запястья – и резко нажал. От острой боли я вскинулся, но немец пихнул меня обратно и что-то буркнул.

Я посмотрел на свою руку.

На незагорелой коже оплывали кровью сине-алые цифры – **92745**.

¹⁶ Крестьянин, крестьянин... Проклятое дурачье, солдатня... они все идиоты! (нем.)

¹⁷ Помоги мне (нем.).

¹⁸ О, да, я ведь переводчик, да, да, верно... (нем.)

¹⁹ Зоя, пиши, один мальчик – номер... ах, чертова задница! (нем.)

²⁰ Все хорошо (нем.).

²¹ 92745 (нем.).

7

Конвоировали меня не немцы. Они были одеты в немецкую форму, оба – с оружием, с автоматами, у которых слева торчал круглый барабан магазина, я таких раньше нигде не видел, а на рукавах – сине-черно-белые нашивки. Это были эстонцы, и сразу за порогом конторы, где мне поставили на руку номер, один из них с такой силой врезал мне между лопаток автоматом, что я перестал дышать и упал. Нас обходили равнодушно, только какая-то женщина в гражданском, с ведром в руке, остановилась, и я, приподняв голову, увидел в глазах ее слезы.

– Прохоттии, рюская сфинья, – сказал один из конвоиров, молодой, на пару лет старше меня.

– Он же... – начала она, но второй эстонец спросил:

– Тти тоше хоччешь? – и она, согнувшись, поспешила прочь.

Я тем временем научился кое-как дышать и встал на ноги. Никогда в жизни меня не били с такой силой и злобой. И, может быть, поэтому страх вдруг выключился... а точнее – перегорел, как лампочка. Я вытер о боковые карманы куртки содранные ладони и зашагал дальше.

Мы перешли через пути, через другие... На третьих стояла коричнево-желтая громада броневагона с танковой башней, на ней сидели двое солдат в расстегнутых комбинезонах и играли в карты. А левее двое часовых – в черной форме, в кепи и с повязками на рукавах, с винтовками через плечо – прохаживались туда-сюда вдоль стенок вагона-скотовозки. На повязках я различил надпись: «Polizej». Полицай... Эстонцы заговорили с ними по-немецки, и один из полицейских откатил в сторону вагонную дверь – на полметра, только пролезть. Тот, который ударил меня прикладом, подпихнул в спину и усмехнулся:

– Полесай, рюски. Польше не уфиттимса.

– Как знать, тварь, – ответил я ему через плечо. – Но молись, чтоб не увиделись.

И полицай задвинул дверь прямо перед побелевшими глазами эстонца.

Я почему-то думал, что внутри вагона будет темно, но там оказалось достаточно света – доски были пригнаны неплотно, тут и там перекрещивались лучики. Пахло несвежей соломой и людьми. Я стоял около захлопнувшейся двери, не решаясь сделать хотя бы один шаг. Мне вдруг стало опять очень страшно – не от чего-то, а вообще, – и я просто осматривал вагон.

Тут были дети. В основном маленькие, лет по пять-десять, девочки и мальчики, не меньше тридцати. Большинство из них спали аккуратным рядком на этой соломе, несколько сидели, прикинув к самым широким щелям и тихонько переговаривались. Если я что-то понимаю в одежде, то дети были городские, хотя все их барахло было грязным и потрепанным. На меня никто из них не посмотрел.

Вместе с этими детьми были три или четыре – я внезапно разучился воспринимать окружающее как цельную картину – девочки постарше, может, моего возраста, может, чуть младше или чуть старше. Я не оговорился – именно с этими детьми, потому что девчонки находились вместе с младшими и одна, что-то приговаривая, переплетала косы сразу двум мелким. А в правом конце вагона сидели старшие мальчишки, тоже моих лет. Вот они на меня смотрели, и потом один из них – скуластый и курносый крепыш – негромко окликнул:

– Эй. Чего стоишь, иди сюда.

Я подошел и сел без приглашения. Вытянул ноги, прислонился спиной к щелястой стене и вдруг понял, что невероятно устал. Это было последнее, что я успел подумать связно, – дальше надвинулась чернота. Если ребята что-то и хотели у меня спросить – это им не удалось.

Даже во сне я продолжал помнить, что со мной случилось и не удивился, когда, разбужденный толчками в плечо, открыл глаза и увидел все тот же вагон. Младшие гомонили сдержанно, словно чего-то ждали... и я как-то не сразу сообразил, что принесли еду – большой

бачок. Что интересно: старшим пацанам ничего не стоило, конечно, установить в вагоне свою диктатуру, но они спокойно смотрели, как девчонки раскладывают какую-то кашу и тонкие ломтики серого хлеба в ладони младшим. Мне это понравилось, и я поинтересовался у разбуdivшего меня курносого:

– Чего, пайку принесли?

– Могал, что ли? – поинтересовался быстроглазый худощавый паренек. Я понял, что он спрашивает про зону и отозвался:

– Не, так...

– Жаль, я думал – своего брата блатнячка встретил, а ты тоже фраер... – вздохнул он. Курносый молча показал ему кулак, а я понял, что это все просто приколы. Худощавый усмехнулся, откинулся на сено и негромко запел:

По карманам ловко смыкал,
В драке всех ножом он тыкал
И за то прозвали его Смыком – оппа!..

Странно, но я чувствовал себя сейчас намного лучше, чем раньше. Может быть, потому что появилась какая-то определенность... Кстати, никто не спешил мне представляться и никто ничего не спрашивал у меня. Старших ребят кроме курносого крепыша и приклатненного быстроглазика оказалось еще трое. Двое типично сельских мальчишки, угрюмые и мало-подвижные. И белокурый мальчишка, то и дело покусывавший уголок губы. Я присматривался к ним, они – ко мне, каждый по-своему.

Девчонки выделили нам кашу и хлеб. Каша оказалась овсянкой, и то, что ее плюхали в ладони, настроения не улучшало. Бачок и картонный ящик никто забирать не спешил, зато вдруг вагон дернулся, лязгнул, по полу загуляли сквознячки, и я понял, что мы едем. Вот тут я не выдержал.

– Куда нас? – спросил я сразу у всех и ни у кого.

Ответил курносый:

– Перед паровозом поставили. От партизан. Да все как всегда.

– Перед каким паровозом? – не понял я. – Зачем перед паровозом?

– Товарищ не из нашей камеры, – заметил приклатненный. – Он сел не на тот поезд.

– Можно подумать, что ты тут всю жизнь мечтал оказаться, – огрызнулся я.

Он покладисто согласился:

– Тоже верно... А перед паровозом нас пускают уже две недели, чтобы партизаны состав не подорвали. Вся округа знает, что в вагоне гоняют младших из детского дома. Под это дело они своих раненых с фронта вывозят, а на фронт, само собой, гонят подкрепление и технику. Знают, что наши ничего делать не станут. Вот и вся история.

– Черт... – процедил я и яростно облизал ладони. Чуть не спросил, где помыть руки и свирепо вытер их о стену. – Вы тоже из детдома, что ли?

– А ты? – спросил курносый.

– Я нет... Я беженец. Из Новгорода. В общем, так получилось...

– Мы тут все беженцы, и у всех так получилось, – сказал белобрысый. – Кто постарше, я имею в виду. Из детдома младшие и девчонки. Их сперва не трогали, как они тут застряли. В одном селе. А потом раз – и сгребли...

Я посмотрел в сторону младших. Девчонки собрали тех полукругом, и одна из них что-то строго говорила. Я различил слова: «СССР... Сталин... война... фашисты...» Политработа. Великая вещь, как говорил АСК. Но мне-то что делать?

– Бежать не пробовали? – деловито спросил я.

Все пятеро переглянулись. Курносый сказал:

– Они предупредили, что младших убьют, если кто-то сбежит. У них это быстро.

– Сволочи, – искренне сказал я и сообразил вдруг, что это касается меня напрямую! Я тоже во всем этом по уши! – Давайте познакомимся, что ли... Вот честное слово, я не провокатор. Я Борька. Шалыгин.

– Сашка Казьмин, – протянул мне руку курносый.

Блатнячок оказался Гришей Григорьевым (я так и не понял, правда ли это). Сельских ребят звали Севка Пантюхин и Тошка Буров. Белобрысый оказался Колькой Витцелем.

– Так ты немец, что ли? – удивился я.

– Я советский человек, – упрямо сказал он. – И родители у меня советские люди. Мне эти, – он мотнул куда-то головой, – уже говорили: ты, мол, фольксдойче, твое место в наших рядах... Пусть подавятся своим местом, гады, фашисты...

– Ясно, – пробормотал я. Гришка заметил:

– Камзол у тебя высший класс. С кого снял?

– С убитого немца, – ответил я. – Удобная вещь в лесу, – и заметил, что меня смерили внимательными взглядами. – А как тут с туалетом?

– Дырка вон там. – Сашка ткнул в переднюю часть вагона, где была перегородка из висящих одеял. Я снова ругнулся:

– Номер с удобствами... – Оперся спиной о стену плотней и охнул.

– Били? – спросил Сашка. Я поморщился:

– Да-а... Прикладом один раз... Ерунда.

Вагон поматывало на рельсах, под полом скрежетало и ухало. В щелях начинало алеть – закат... Подходил к концу первый день моего пребывания в... Кстати, какой же это год? Не сорок первый – весной войны еще не было, а тут явно май. Весна сорок третьего или, скорей, сорок второго. В сорок четвертом они уже не были такими наглыми, а в сорок пятом война закончилась... Эх, куда бы Олега, он бы по форме догадался... Нет, стоп. Строк, оставайся на своем месте, такое желать даже в шутку не стоит...

Я сходил за занавеску – отлить, весь день ведь терпел. Как-то особо стыдно не было. Что делать, раз обстоятельства такие? Вернувшись, снова улегся на солому. Меня поразило, как тихо и послушно вели себя младшие – подчинялись практически каждому жесту девчонок и буквально глядели им в рот.

Следя за этим, я сказал бездумно:

– Когда меня вели, навстречу пленные шли... Один упал, и конвоир его заколол. Я не думал, что это так... просто.

– Это ты еще мало видел, – сказал Сашка.

– Немного, – согласился я. – А такого и вовсе не видеть бы.

– Это правда. – Он улегся рядом и закинул руки за голову. Мне хотелось спросить, каким образом он сам попал к немцам, но я понимал, что задавать такой вопрос небезопасно. Придут ночью, долго ли. Решат, что провокатор или предатель.

Колька спросил из полутьмы:

– Ты не слышал, что на фронте?

– Нет, – отозвался я. – Я в лесу долго был... А что было последний раз?

– Наши начали наступление на Севастополь, – надо было слышать, как Колька произнес «наши»... А я промолчал. Олег нам буквально все уши прожужжал, и я сейчас хорошо вспомнил все, им рассказанное.

8 мая 1942 года – именно сегодня – армия Манштейна встречным ударом разгромила наши войска в Крыму, пытавшиеся деблокировать Севастополь. 14 мая падет Керчь. Через четыре дня – 12 мая – наши пойдут в наступление на Харьков, немцы заманят армию в «мешок» и в конце мая, разделившись с ней, по степям рванут на Сталинград и Кавказ... А еще именно в эти дни в сорок втором Северо-Западный и Ленинградский фронты начали наступ-

ление, чтобы снять блокаду Ленинграда – и скоро генерал Власов где-то недалеко от нас погубит в болотах 2-ю ударную армию...

О господи. Самое страшное еще впереди... И посреди всего этого страшного – я. Как муха в клею. И что делать – совершенно, до стога, непонятно.

Может быть, просто сейчас поспать? А там решим?

С этими мыслями я и уснул.

8

Спал я одновременно глубоко и плохо. Это возможно, если кто не верит. Меня донимала боль в руке, шум под полом, грохот и свист, гудки и еще черт-те что. Но проснуться при этом я не мог – слишком устал. Усталость не давала никак реагировать на все эти мутные заморочки, требуя одного: спать. Отдыхать. Может, оно и было к лучшему. Еще мне снилось, что я дома и то, что со мной случилось, – сон.

С этой мыслью я и проснулся. Как раз к завтраку. И снова – каюсь – зажмурил глаза, надеясь, что все окружающее растает и пропадет.

Черта с два...

Двери были открыты настежь. За ними маячили конвоиры – немцы, кажется. А за их спинами были угрюмые строения, составы и – море! Совсем близко! На берегу лежали несколько корабельных корпусов. А подальше угрюмо серели на рейде боевые суда. Два или три не очень больших конвоировали подводную лодку, на палубе и рубке которой суетились люди.

– Рига, – сказал Сашка.

Он привстал, опираясь на локти. Остальные еще дремали... хотя нет, мелкие уже возились и девчонки проснулись.

– Рига? – заторможенно спросил я. – Латвия?

Сашка кивнул и проводил взглядом проплывающие по соседнему пути платформы, на которых стояли окрашенные в желто-коричневое танки.

– В Африку собирались отправить, – машинально сказал я.

Сашка повернулся:

– Откуда знаешь?

– А окраска... Такая для пустыни.

– В Африку... – он проводил взглядом еще один танк. – Значит, плохо у них, раз резервы с фронта на фронт кидают...

– Не особо радуйся, – покачал я головой, рассматривая свою руку. – Сил у них еще огого... Вся Европа на них работает. И многие – охотно.

Сашка промолчал. Но глаза у него были не просто ненавидящие – я прочел в них что-то такое, чему просто не было названия в человеческом языке. Чтобы отвлечься, я снова стал смотреть в дверь. Двое мелких пацанов, присев и свесив ноги наружу, повторяли за одним из солдат – молодым веселым парнем – под смех некоторых его товарищей исковерканные матерные русские слова – старательно и непонимающе. Но уже немолодой немец с какими-то нашивками, подойдя, отпустил молодому подзатыльник и что-то сказал. Подошла и одна из девчонок, взяла младших, не глядя на немцев, за шиворотки, поставила на ноги и несильно ударила по губам одного и другого.

– Чтобы больше не слышала, – сказала она. – Пошли на место.

– Айн момент, фроляйн²², – сказал кто-то из немцев и протянул большую шоколадку. – Битте, фроляйн. Фюр кляйне киндер, битте²³.

– Возьми, Лен, – сказал Сашка. Девчонка взяла молча, не поблагодарив. И, вернувшись на место, начала делить шоколад между младшими.

– Сволочи... – прошептал Сашка. – Откупаются, что наши дома жгли...

– У них тоже дети, наверное, – сказал я. – И дома...

– Ну и сидели бы со своими детьми у себя дома, – сказал Сашка. И почти выплюнул: – Ненавижу...

²² Минутку, сударыня (нем.).

²³ Пожалуйста, сударыня. Для маленьких, пожалуйста (нем.).

– А где твои родители? – спросил я. Сашка не ответил.

Одна из девчонок бросила на пол обертку от шоколадки. Я присмотрелся и увидел с изумлением, на миг перешедшим в ступор, невероятную надпись:

«N e s t l e»

Пару секунд я на эту надпись просто смотрел. Потом хихикнул и начал смеяться. Проснувшиеся от смеха ребята смотрели на меня с испугом, потом Тошка спросил:

– Ты чего, с ума спятил?

Я не мог ответить. Я хохотал уже в голос, с повизгиваньем, так, что даже немцы недоуменно заглядывали в дверь и переговаривались. Стоило мне бросить взгляд на эту надпись на мятой бумаге с рисунком, совсем не похожим на рисунки того же шоколада моего времени, как меня опять пробивало на хи-хи. Я ничего не мог бы объяснить, даже если бы перестал ржать.

Но я и перестать не мог...

* * *

Нас поставили впереди состава, в котором – как мы успели заметить, когда его перего- няли по параллельным путям, – были вперемешку вагоны с солдатами и платформы с орудиями. Мы с ребятами, не сговариваясь, перебрались ближе к двери – ее так и не закрыли пока – и смотрели, как все это плывет мимо нас. Сашка негромко считал платформы, потом сказал:

– Если считать по сорок человек в вагоне, то не меньше полка... И пушек штук тридцать.

– Это, наверное, и есть артиллерийский полк, – заметил Колька. – Стопятимиллиметровые гаубицы... Сейчас бы...

Он не договорил. Один из оставшихся на часах у двери солдат, слушавший нас, что-то сказал, ткнув в эшелон, потом кивнул и еще довольно долго о чем-то распространялся, а в конце добавил по-русски:

– Ленинград... рус конец, бум! – и показал, как взрывается снаряд. – Рус плен, – поднял руки и засмеялся добродушно.

Сашка побелел. И, прежде чем я успел хоть что-то сказать, выкрикнул:

– Сам конец! Сам плен! Гитлер капут, бум!

Я офонарел и ожидал, что сейчас начнутся, мягко говоря, неприятности. Но немец только серьезно покачал головой и, назидательно подняв палец, опять заговорил, начав со слова «фюрер» и закончив словом «уберменш». Потом усмехнулся и отошел в сторону.

– Говорит, что фюрер великий человек, – сказал Колька. Я спросил:

– Ты знаешь немецкий?.. А, да, конечно...

Сашку трясло. Он кусал губы и смотрел бешеными глазами. Я, честное слово, обрадовался, когда после «завтрака» – кружки с невероятной бурдой, одно хорошо, что горячее, и ломтика серого хлеба, намазанного чем-то невообразимым, сладковато-химическим, – дверь закрыли и мы опять куда-то отправились. Скорее всего – в обратный путь, к фронту.

Девчонки занимали младших – на этот раз не уроком, а какой-то игрой, с их стороны то и дело слышался смех. Хорошо им... Гришка доматывался с какой-то ерундой к Савке и Тошке, называя их «куркулями», «пособниками» и еще разными непонятными словами – те ворчливо отругивались, явно уступая оппоненту. Колька о чем-то думал, лежа на соломе. Сашка замер лицом к стенке вагона.

От безделья я тоже начал думать – в первую очередь о том, что же теперь со мной будет, как я сюда попал и что станет с моими родными. От этих мыслей хотелось повеситься прямо тут же, и я понял, что так и сделаю в скором времени, если не отвлекусь. На что угодно.

Подумав так, я заставил себя встать с соломы (черт, каких усилий это потребовало! Не физических, но мне кто-то словно шептал на ухо: «Не ворошишь, лежи, успокойся, чего трепыхаться?») и стащил куртку и водолазку. На меня смотрели все, кроме Сашки, – с недоумением.

А я совершенно невозмутимо принялся за разминку – как обычно перед занятиями штурмовым боем в дружине. Когда я закинул ногу на стенку выше своей головы и начал растягиваться, Гришка сказал:

– Ловко, – и, встав, попытался сделать то же самое. – Черт, ну ты даешь! – сообщил он, когда ничего не получилось. Вместо ответа я ткнул его в плечо. – Ты чего? – Я повторил тычок, и он отмахнулся... после чего полетел на солому через мое бедро. Но тут же вскочил: – Опа! Это ты как?! А ну...

Я кинул его еще раз. Очевидно, он умел драться, конечно, и все-таки не успевал защититься или атаковать. Когда я побросал его еще пару раз, Гришка растянулся на соломе и поднял руки:

– Все, пас. Тебе только в мусорне работать, один малины греб бы... У тебя папахен не мусор?

– Нет, – усмехнулся я. И увидел, что поднялся Колька:

– А со мной?..

Короче, я расшевелился сам и расшевелил остальных, даже Сашку, хотя, если честно, этого делать не собирался. Младшие и девчонки прекратили свои игры и смотрели на нас, как на стадионе. Дольше всего мне пришлось возиться с Колькой. Тошка и Севка дрались по деревенски, нанося размашистые удары кулаками и совершенно не умели бороться. Примерно так же дрался и Сашка, хотя он, кажется, знал кое-какие броски и захваты. А Колька вдруг оказался опасным соперником, и я поинтересовался, когда мы отдыхали на соломе:

– Ты борьбой занимался, что ли?

– Французской борьбой и французским боксом²⁴, – ответил он. – Сосед учил, товарищ Лепелье. Он был коминтерновец...²⁵ – И Колька вдруг из сидячего положения легким взмахом ноги достал стенку у себя над головой.

Общая разминка нас как-то сблизила, и я неожиданно для самого себя сказал:

– Послушайте, нас ведь так будут возить до скончания века. Надо бежать.

– Малышей убьют, – напомнил Сашка.

– Значит, надо бежать всем, – отрезал я.

На меня уставились со смесью интереса и раздражения. В щелях мелькал весенний лес. Ветерок крутил на полу солому и пыль. Младшие, увидев, что представление кончилось, снова вернулись к своим делам.

– Слушай, – наконец сказал Колька, – ты не думай, что ты один такой умный и хочешь на свободу... Мы тут все головы себе сломали...

– Ага, – радостно перебил его я, – так вы меня не считаете провокатором?!

– А смысл? – это спросил Сашка, пожав плечами. – На хрена им нас подбивать на побег?

Тем более что отсюда и сбежать невозможно.

– Сортирная дырка, – быстро сказал я.

– Тридцать сантиметров в диаметре, – фыркнул Колька.

– Расширить, – подал я идею. – А, да... Она железкой оббита...

– Во-во, – кивнул Сашка.

– А вы вообще пол проверяли? – настаивал я. – Может, где-то можно доски расшатать...

– Смысл? – коротко спросил Колька. – Мы бы еще смогли на рельсы спуститься на ходу.

А младшие сразу под колеса полетят. А если на остановке, то кругом эти гады.

²⁴ *Французская борьба* – то, что сейчас называют вольной борьбой. *Французский бокс* – малоизвестный в России вид боевого единоборства, сочетающий удары ногами и кулаками.

²⁵ *Коминтерн* – Коммунистический интернационал – организация коммунистов всего мира, в 30-х годах XX века активно противостоявшая также международному фашистско-нацистскому движению. Наиболее активны коминтерновцы были в Испании и Франции. Объективно Коминтерн был во многом орудием СССР в борьбе за мировое господство, но большинство его членов являлись мужественными и убежденными в правоте своего дела людьми.

Я заткнулся. Да, теперь я понимал, почему ребята моего возраста в моем времени часто не убегают, когда есть возможность, от разных там террористов и прочее. Не от трусости. Почти всегда рядом младшие... Мне они, например, никто. Но я уже чувствовал, что не смогу их бросить, зная, что за мой побег их убьют.

– Может, пугают насчет расстрела, – предположил я неуверенно. – Ну, вот эти немцы, из охраны... Неужели правда маленьких будут убивать?

– Они не будут, – согласился Сашка. – Начальник охраны эстонцам скажет. А те... – и он поморщился.

Я вздохнул и сел удобнее. Что еще оставалось?

Не знаю, как назывался этот город, где охрана снова открыла дверь. Тут тоже стояли поезда. И прямо напротив нас – санитарный.

Еще когда мы только останавливались, я услышал шум – крики, стоны, ругань – и настроился на то, что сейчас увижу какую-нибудь зверскую расправу или как минимум эшелон с угоняемыми в рабство. Но напротив нас грузили в вагоны и сгружали с них раненых – царила невероятная сутолока. Я лично не видел никакого порядка – через носилки с лежащими на них людьми переступали, тащили куда-то, кто-то орал... Прямо напротив дверей сидел человек в черной куртке и маске. Он курил сигарету, вставленную в алую прорезь. И только через полминуты я сообразил, что нет ни куртки, ни маски – я видел обгоревшего, кожа тут и там полопалась трещинами, все это сочилось сукровицей. Глаза у человека уцелели, и он смотрел на нас отсутствующим взглядом откуда-то из-за такой боли, что вряд ли понимал, кого видит перед собой. Возле него на носилках лежал огромный солдат с безучастным лицом – огромный до бедер, а ниже начиналась бурая от засохшей крови простыня. Дальше – молодой парень без нижней челюсти, он раскачивался по кругу, а другой солдат, с перевязанной головой, то и дело вытирал какой-то тряпкой розовую пену с его лица. Тоже молодой офицер в форме эсэсовца читал книжку левым глазом – справа у него все было снесено, половина носа, губы; щека висела лохмотьями, зубы торчали через один, пошевеливался язык...

И я услышал, как Сашка смеется. Потом он крикнул:

– Ну что, фрицы?! Получили нашу землю?! Погодите чуть – вас в ней и похоронят! Вот тогда ваша будет – два на три, все ваше!

Его услышали. Наш поезд тронулся, двери закрыли, но я видел сквозь щель, как за нами на костыле прыгает рыжий солдат с перекошенным лицом. Он стрелял в наш вагон из пистолета, пули расщепляли, не пробивая, толстые доски, а он выкрикивал что-то и не отставал, пока его не перехватили санитары.

Сашка смеялся. Это было почти так же страшно, как увиденная мною картина раненых. Сашка смеялся.

9

– ... Мы жили на краю села. Я, мама, батя, сестры... Они старше меня были, а мама и батя уже немолодые. Я у них последний, пацан к тому же. В общем, они меня баловали даже... Батя ушел летом, в августе, а в начале сентября мы на него уже похоронку получили... Смертью храбрых... А потом немцы пришли. Я даже не верил, что так может быть. Вот смотрел и не верил. Сперва они и не делали ничего, перли и перли через село... А потом у нас остановились, которые обратно шли, с фронта на переформирование. Сразу волками смотрели, потом перепились в хрень, я наших мужиков, уж на что мастера у нас были треснуть, даже по праздникам такими не видел. Половина под стол попадали, а остальные сперва пели, я так понял – своих поминали... Мы с матерью им прислуживали. Я сперва не хотел, а потом подумал – пусть лучше я, чем сестры. Они в сарае прятались. Мамка уже немолодая, а ко мне-то лезть не будут... Не лезли, конечно, только пинки отвешивали. Мы им самогон носили, думали – ужрутса же в конце концов! Ну, почти все упились. А пятеро – ни в какую, хлещут, как воду, и ни в одном глазу. Один такой... как бык здоровый, но подбрей остальных. Двое так, обычные мужики, еще один немолодой, но питух позлей остальных. И пятый молодой совсем, года на три-четыре вот нас постарше. Самый заядлый... Он сестренка и нашел. По нужде, гад, вышел, и услышал, как они в сарае переговаривались... Вернулся, своих зовет, ржет... Мамка поняла, что к чему, и в дверях как окаменела. Они сперва со смехом, а она не пускает... Тогда этот младший достал нож и ее – раз, раз, раз... Я за вилы, в сенях стояли. И в живот ему... Он только охнул, и все. Тогда они меня схватили и тоже в сарай. Привязали к двери и своих из других домов зовут. Человек двадцать собралось. Я не хотел смотреть, а один мне глаза пальцами раскрыл, чтобы я видел, как они сестренка... Я уже думал – ну чтоб они умерли поскорее... А они еще до утра живы были. И эти... Устали, разошлись, а нет-нет кто-то зайдет обратно и опять... Знаешь, как будто поссать – и не очень хочется, а надо... А под утро они все внутри керосином облили. И сестренка, они уже... неживые были. И меня. И подожгли... Я не знаю, как там дальше получилось. Я в себя только за сараем пришел, в канаве. Даже волосы почти не обгорели. Там и прятался, думал – только бы они еще на ночь остались, я бы им сделал... Не остались, ушли. И я ушел, в лес. Дня три бродил один, думал – с ума сойду, мамкин голос слышал. Потом встретил наших окруженцев. С ними пошел. Всю зиму тут кружили, где могли – нападали. А в конце апреля нас расколотили. Я ушел, а на одном кордоне хозяин меня фрицам выдал. Хорошо еще, решил – я просто бродяга...

... Сашка замолчал. Я видел в темноте его блестящий глаз и капельки пота на лбу. И молчал. Что я сказать-то мог? А он помолчал еще и спросил:

– Ты кем мечтал быть? Ну, до войны? – Я пожал плечами. Я не знал.

– А я полярником, – признался он. – «Семеро смелых» смотрел? Как там... Хотел узнать, где на них учат. Или даже сбежать, тоже как в кино... Я вот думаю и какое право они имели прийти и все порушить?

– Да никакого, – согласился я.

Я что-то еще хотел спросить, не помню что. И не вспомню, потому что в этот самый момент ахнул взрыв!

В какой-то момент мне показалось, что подорвали наш вагон. Истошно завыл гудок паровоза, под полом страшно заскрежетало, вагон сунулся вперед, закричали и заплакали младшие, кто-то – кажется, Гришка – крикнул: «Чо за х...ня?!» И тут все это перекрыл грохот пулемета.

– Ложись! – прокричал Сашка. Но мы не успели упасть на пол – дверь дрогнула и отскочила в сторону, человек, видневшийся в проеме смутным силуэтом, крикнул:

– Скорее наружу!

– Младших! – мгновенно сориентировался Сашка.

Мы попрыгали под откос. Паровоз ревел, гудел и выл, около вагонов кричали и стреляли, от леса – совсем недалекого – и в лес летели огненные строчки и точки. Я хватал младших, которых мне передавали девчонки, и пихал их в сторону леса, сам еще не понимая, что происходит. Открывший дверь человек – в гражданском, но с винтовкой – вдруг сорвал ее с плеча, упал на колено и начал стрелять. Кто-то из младших тоненько закричал, что-то свистнуло у меня над ухом, и я увидел, что вдоль паровоза бегут трое. «Дзанн, вжжиг, вжжиг!» – с воем отскочило что-то от засова на дверях. Один из бегущих упал, двое других упали на колено – и освободивший нас человек опрокинулся на спину. Я видел, как Тошка нагнулся за его винтовкой – и вдруг дернулся и встал на колени, изо рта у него полилось черное, и Тошка тоже упал... Но Колька подхватил винтовку – выстрел! Стоявший на колене упал под колеса. Второй вскочил и побежал обратно, но Колька выстрелил снова – и тот покатился под откос. Сашка зачем-то рванулся вперед, я, ничего не понимая, побежал за ним. По-прежнему без мыслей я повторил его движение – он поднял выпавшую из рук убитого (это был не немец, не эстонец, а полицейский) винтовку, я так же подобрал винтовку у второго, сорвал патронташ, уже сам об этом догадавшись. Мы прыгнули под откос и побежали к лесу.

Мы похоронили маленького – мальчика лет восьми, его звали Женя – у корней большого дуба. Пуля попала ему в шею, и он умер на руках у Севки, пока мы бежали к лесу. Больше из нас никого не задело, если не считать убитого Тошки, оставшегося на путях. Помню, что я хотел помолиться и перекреститься, но люди, стоявшие вокруг, не делали этого.

Отрядом это назвать было нельзя – четыре человека и пулемет «максим». Трое были военными. Точнее, все четверо, просто четвертый – медлительный и большой эстонец – все еще носил немецкую форму, хотя и без знаков различия. Командира знал Сашка, это был Ряжин Сергей Викентьевич, подтянутый такой высокий человек лет сорока, капитан Красной Армии. Они с Сашкой долго и без стеснения обнимались, Сашка что-то сбивчиво рассказывал и твердил: «А я думал, вас убили всех... что я один спасся...» – а мужчина улыбался и ерошил Сашке волосы. Мне сперва даже неудобно стало на это глядеть, я только потом понял, что в этом времени ничего такого между мальчишками и мужчинами не бывает.

Они давно собирались напасть на этот поезд, но никак не могли придумать, как это сделать. Тогда они просто взорвали рельс перед поездом остатками тола и открыли пальбу по вагонам, а под шумок вытащили нас. Впрочем, как оказалось, радоваться было рано. Сергей Викентьевич сказал почти сразу:

– Сейчас они полезут нас искать... Девочки, – обратился он к девчонкам, собравшим вокруг себя младших, – мы вас прикроем. Кто-нибудь знает, как стороны света определять? – Отозвались сразу несколько. – Пойдете по лесам прямо на юг. Так доберетесь до села Белебелка. Там партизанская республика. Идите не останавливаясь, как бы трудно ни было. Это далеко, но вы дойдете... Ты и ты, – он посмотрел на Севку и Гришку, – пойдете с ними. Лишнего оружия у меня нет. И девочкам будет трудно одним.

– За что? – Севка побелел и так посмотрел вокруг, что я крепче вцепился в свою винтовку, готовясь, что он бросится ее отбирать. – Я... за что вы меня?! – Гришка промолчал, но вдруг стал часто моргать...

– Без разговоров! – прикрикнул Сергей Викентьевич. – Марш! – Он смотрел вслед уходящим, пока они не скрылись за деревьями. После этого повернулся к нам. А я стоял и думал ошарашенно, до чего остервенело вцепился в собственный билетик на тот свет. По идее, я должен был еще и приплатить тому, кто у меня заберет оружие... – Все за мной, на позицию.

* * *

Я не очень много понимаю в военном деле. Но у нас было шесть винтовок, пистолет-пулемет, два револьвера и пулемет, а к нему – около сотни патронов. Гранат не имелось вообще.

В эшелоне ехало не меньше батальона фрицев, человек пятьсот. Поэтому предстоящий бой выглядел чистейшим самоубийством.

Так я подумал. А потом подумал еще, что и окружающие это знают наверняка. Просто есть три с половиной десятка маленьких детей и девчонок, которые сейчас уходят сквозь лес от рабства. А нас семеро, и мы – мужчины. Естественно, что мы должны их прикрыть собой.

Эта мысль меня успокоила. Смешно, но это правда.

Сергей Викентьевич расположил нас на пригорке, в который утыкалась лесная прогалина – в центре пулемет, по сторонам остальные. За пулемет лег тот здоровяк в немецком мундире. Увидев, что я на него смотрю, он улыбнулся и сказал, показав на себя:

– Эйно Парк... я эстонес, так. – Очевидно, мой взгляд выдал мои же мысли, потому что он указал в ту сторону, где была железная дорога, покачал головой и сказал неожиданно горячо: – Те – не эстонцы. Кайтселийт²⁶, тьфу, бантиты! – И сплюнул. – Я пежал... к партисаны... Я эстонес, не они.

– Борька Шалыгин, – сказал я и занялся своей винтовкой.

Это оказался немецкий «маузер». Я в принципе знал, как им пользоваться, и даже знал, что у него сильная отдача, но в руках никогда не держал. В магазине не хватало патрона, я дозарядил его и начал целиться между двумя деревьями на прогалине. Лежал и думал, что, может, немцы еще и не станут организовывать преследование. И что, если бы не это нападение, мы бы так и ехали в поезде, в относительной безопасности – и поэтому, наверное, многие люди быстро мирятся с рабством: ты несвободен, зато в безопасности, а начнешь бунтовать – и все...

– Идут, – сказал Сергей Викентьевич.

Я встрепнулся, прислушался – и услышал голоса, перекликавшиеся вроде бы совсем недалеко. Они звучали не по-немецки, и я, к своему изумлению, узнал датскую речь! Но над этим некогда было особо задумываться, потому что первые из преследователей появились между деревьями – они шли далеко друг от друга, перекликаясь и вертя головами. То есть вели себя так, как в лесу вести нельзя. Я увидел, как Эйно припал к пулемету, чуть опустил его любопытное черное рыльце. И сам приложился, поймав в прицел вооруженного пистолетом-пулеметом солдата, шагающего прямо на меня. Ни страха, ни жалости я не ощущал. Я вообще не воспринимал идущего ко мне человека как человека. Вот и все. Нет, я не видел в нем персонажа компьютерной игры, всякую такую ерундень, которую обычно приписывают подросткам. Просто он был до такой степени чужим в весеннем утреннем лесу (а уже почти совсем рассвело), что...

– Огонь!!! – прокричал Сергей Викентьевич.

Я выстрелил. Отдача действительно оказалась мощной, я увидел, как промахнулся, – солдат присел и тут же бросился в сторону. Звуков сразу не стало – рядом бил «максим», начисто глуша их. Я дернул затвор, прицелился и выстрелил снова, в то дерево, за которым прятался мой. Мне почему-то хотелось достать именно его. От березы полетела щепка. Он ответил очередью и выкатился наружу, за корни. Слева еще один тащил в укрытие товарища, я бы мог легко его подстрелить, но не стал и снова выстрелил в этого, но он уже укрылся за деревом.

Датчан – откуда бы они тут ни взялись – было больше нас раз в десять, но «максим» слегка уравнивал шансы – у них не имелось пулеметов. Я видел боковым зрением, как Колька подает Эйно матерчатую ленту, и «максим» грохочет, срезая не только кусты подлеска, но и солидные деревца. На прогалине лежало с полдюжины трупов, это могло показаться удивительным, но я вспомнил, как АСК говорил нам: в современной войне на то, чтобы убить одного противника, тратят по несколько тысяч патронов. Конечно, это не современная война, но я,

²⁶ *Кайтселийт* – военизированная фашистская организация в Эстонии 20–40-х гг. XX века. Из кайтселийтчиков набиралась охрана многих концлагерей, они «прославились» карательными экспедициями в тылах группы армий «Север» и расправами с мирным русским населением, хотя при этом, следует признать, отличались храбростью и в настоящих боях.

например, потратил уже четыре патрона и не попал... ага! Около дерева появился наугад брызжущий огнем ствол, и я опять вспомнил, что нам говорили на стрельбах – откуда появился ствол, оттуда высунется и враг! Я прицелился в край дерева повыше ствола и нажал спуск.

Светловолосая голова – пилотка с нее свалилась – брызнула алым и ткнулась в корень.

Убил? Да, убил. Я его убил.

Затвор почему-то не двигался. Ах да – патроны кончились... Я вытащил из кармана камуфляжа обойму, вставил в магазин, дернул затвор – пустая обойма вылетела вверх. Есть...

– Слева! – крикнул кто-то. Я крутнулся на бок и увидел, как худощавый чубатый парень закалывает кинжалом, навалившись сзади, одного из наших, а другой – в расстегнутом френче – оскалившись, стоит на коленях и в занесенной правой руке у него граната. Я выстрелил от бедра, по стволу – гранатометчик запрокинулся, падая, граната взорвалась где-то сзади... на меня прыгнул тот, с кинжалом – Эйно встретил его в броске ударом кулака в лоб, я услышал, как что-то хрустнуло... Коротко вскрикнул Колька – и упал на станок пулемета. Пуля, попавшая в прорезь щитка, угодила ему в лоб.

– Потафай! – крикнул Эйно, сваливая Кольку в сторону. Я перекатился к цинку, потянул ленту, и «максим» снова загремел. Мимо меня проскочил пригнувшийся Сашка, наклонился над телом убитого врага и, покопавшись, встал на колени, одну за другой бросил две гранаты, залег снова и начал стрелять. – Потафай!

– Все! – закричал я, отпихивая цинк и хватаясь за винтовку.

До меня дошло, что нас осталось четверо – мы с Сашкой, Эйно и Сергей Викентьевич. За деревьями что-то кричал повелительный голос, потом ударил пулемет – один, а следом другой, «максим» содрогнулся, в его щитке открылись сразу несколько рваных дыр. Сашка снимал с убитого мною гранатометчика пистолет-пулемет. Я выстрелил точно в грудь перебежавшему солдату... Сергей Викентьевич, стоя на коленях, стрелял из нагана с вытянутой руки, потом поднес оружие к виску, нажал спуск – и отбросил револьвер с перекошенным лицом, выстрела не было.

БУМ!

10

– Ты как, Борька?

Сашка держал мою голову на коленях. Я оттолкнулся и сел.

Мы сидели в телеге. Точнее, сидели Сергей Викентьевич, Эйно и Сашка, а я до последнего момента лежал. Возница похлопывал вожжами, слева, справа и сзади шагали с десяток полицаев – устало и молча. Я обнаружил, что изо всей одежды на мне остались одни штаны. Сашка, поймав мой растерянный взгляд, невесело усмехнулся:

– А как же... Тебя гранатой оглушило. Я к тебе – а тут сзади навалились. Нас четверых и взяли. Недолго мы на свободе пробыли.

Я промолчал, подумав, что между прежней несвободой и нынешней все-таки есть разница. Сейчас-то я пленный. А точнее, бандит, потому что партизан считали бандитами. И я не удержался от вопроса:

– И чего теперь?

– Теперь расстреляют или повесят, – буднично отозвался Сашка. – Если не извернемся удрать... А ты здорово стреляешь, я видел. Раз – и тот только башкой дернул... Кольку жалко.

– Нас пожалеть надо, – выдавил я.

Сашка подумал и кивнул:

– И то...

– Болтать-то хватит, хватит болтать, – уныло пробурчал длинный полицаи.

– А что? – Сашка огрызнулся. – Застрелишь, шкура? Давай...

– Да ладно, чего ты... – буркнул полицаи. – Не надо болтать-то...

– Мальчишки, – услышал я шепот Сергея Викентьевича, – если удобное место увидите – прыгайте и бегите. Мы с Эйно их задержим. Сразу бегите, как увидите, что можно.

Я бы не испугался бежать, честно. Но тут было некуда. Я зло спросил в пространство:

– Кто мои колеса с...дил? Они же вам малы, пидарасам, – и подумал: «Господи, прости за ругань...»

– Мне в самый раз, – отозвался без обиды один, шедший сбоку. – Важные ботинки. А тебе что. Тебя все равно шлепнут. Лучше я буду носить, чем немцы.

– Да лучше черту, чем тебе, – искренне сказал я. – Хорошо вас кормят-то хоть, шакалы? Или объедки позволяют подбирать?

– Лайся, лайся, – опять не обиделся он.

Я пожелал:

– Можешь еще из моих носок суп сварить и схавать, козлина.

Голова, болевшая сначала, прошла быстро. И, оглянувшись в первый раз, я увидел, что мы вползаем на деревенскую улицу. Посреди нее стоял танк – какой-то не страшный, смешной, похожий на утку, даже без пушки, с двумя пулеметами в маленькой башенке. Возле большого дома, стоявшего в вырубленном палисаднике, замер мотоцикл, легковушка, возле которой возился шофер. Больше солдат не было видно. Над входом висел флаг. Ближние дома тоже были разрушены, хотя подальше деревня была вполне обычной, я даже увидел людей – гражданских, так сказать.

На крыльцо вышел длинный – не высокий, а именно длинный, худой и нескладный – молодой офицер. Не армейский, а эсэсовец, я званий не знал, но по петлицам отличил. Наверное, он нас увидел в окно и сейчас смотрел недовольно, что-то дожевывая. Обедать помешали... Или завтракать, судя по времени. Один из полицаев подбежал к немцу и начал что-то объяснять на ломаном немецком. Немец смотрел сверху, с крыльца, как смотрят на пытающуюся подражать человеку обезьяну. Потом махнул рукой и свистнул.

– У! У! У! Би-ит! – выкрикнул я, корчась так, чтобы прикрыться от новых ударов. Их не последовало... в тот момент. Когда же я снова обвис, женщина сказала:

– Пауль, бейте его, пока он не скажет правду.

Воду мне выплеснули прямо в лицо. Она была ледяная, колодезная. Женщина со стаканом в руке стояла передо мной.

– В конце концов, это не важно, – сказала она, допив из стакана остатки. – Мы вас все равно расстреляем. Но если кто-то из других скажет, что командир среди вас, то его мы расстреляем. А вас, – она улыбнулась, – вас посадим на колья. Прямо на заборе.

– Вам... – Я давился дыханием, страшно болело все тело. – Вам не... противно это... делать? За... зачем? Если бы что-то... важ... ное... А так... за... зачем?

– Профилактика, мальчик, – пояснила она так, как будто объясняла классу новую тему. – Вы должны нас бояться. Нас – своих будущих хозяев. Только так можно держать в повиновении рабов. У нас с Клаусом, – она улыбнулась офицеру, – будет имение недалеко отсюда, когда война закончится. Нужно тренироваться уже сейчас. Если бы у нас было побольше времени, я бы приказала Паулю поработать над тобой, как следует, и ты бы назвал командиром любого, хоть самого себя, только бы это прекратилось. Но надо отдать тебе должное – ты выносливый. Посмотрим, что скажут твои товарищи...

И она, отшагнув назад, нанесла мне удар – ногой в изящном сапоге в пах. И засмеялась.

Мы с Сашкой провалялись на соломе в каком-то сарае до полудня почти без сознания. Его били еще сильнее, чем меня, а вот взрослым нашим товарищам досталось меньше – очевидно, их бить было не так интересно. И вообще, у меня создалось впечатление, что эта сука не лгала – им в принципе не было дела до того, что мы скажем и что мы можем знать.

Они были настолько уверены в своей победе, что не боялись нашего сопротивления.

Земля в сарае, куда нас бросили, под соломой была утоптана до каменного состояния. Стены – щелястые, но вокруг ходили аж трое часовых. Это Эйно и Сергей Викентьевич проверили без нас, пока мы валялись никакие.

Когда я пришел в себя и смог натянуть брошенные следом трусы и штаны, то первым делом нащупал галстук. Он был цел. Почему-то это меня успокоило.

Странно, но правда.

11

Рассвет был какой-то не летний, серый и робкий. Он вползал в щели неохотно, словно ему было стыдно за то, что он должен принести людям в сарае. Я лежал на соломе и ни о чем не думал. Голова была пустая и легкая. Спать не хотелось совсем и страшно не было. Я смотрел, как медленно светает, слушал какие-то звуки просыпающейся деревни и видел спину Сашки, который, не отрываясь, смотрел в широкую щель. Потом, когда стало почти совсем светло, Сашка повернулся и сказал негромко:

– Вставайте, нас расстреливать идут. Яму выкопали.

Сергей Викентьевич и Эйно завозились и сели. Я понял, что они тоже не спали. Все тот же серый свет обрисовывал их совершенно спокойные лица. Сергей Викентьевич пробормотал:

– Побричься бы, а то зарос... – под его ладонью отчетливо зашуршала щетина на подбородке. – Ну что, значит, все... Встали, а то подумают, что мы боимся.

Мы поднялись – все четверо. Сергей Викентьевич положил ладони нам на плечи, и я услышал:

– Будьте мужчинами... – и не понял, о чем он говорит и кому.

Дверь открылась.

За нею не было ни солнца, ни утра – ничего, кроме тумана, в котором чернели ветки кустов, забор и отвал свежей земли. Совсем рядом, шагах в десяти от сарая. По обе стороны двери стояли с полдюжины карателей в глубоких шлемах, с винтовками. Около ямы виднелись еще двое – похоже, местные полицейские. Немец был только один – высокий, худощавый, стройный и улыбающийся. Не тот, который меня допрашивал вчера. Но тоже эсэсовец – под маскхалатом виднелись петлицы.

– Кто рано фстайот, тому Бок потает, – сказал он. – Топрое утро, товарищи коммунисты. Прошу на расстрел.

И он сделал изысканный жест рукой. Я вяло подумал, что немец боксер – очень характерные пальцы – и пошел к двери первым. Один из карателей взял меня за плечи, второй каким-то тросом быстро скрутил запястья за спиной. От обоих пахло сырой формой и табаком. Трос больно врезался в тело, но я ощутил эту боль, как нечто очень далекое. Больше всего мне хотелось, чтобы выглянуло солнце. Хоть на секунду.

– Ну, пошел, – сказал немец весело. – С Боком.

Трава оказалась обжигающе холодной. Я считал шаги и смотрел на нашивку идущего слева карателя. Черный – наша эстонская земля... синий – наше эстонское море... а белый – снега Сибири, куда вас, козлов, всех сошлют... И ведь сошлют. Исторически доказано. Только я, Борька Шалыгин, сейчас погибну от рук человека, которого для меня, Борьки Шалыгина, и нет, быть не должно...

Свежевырытая земля была неожиданно намного теплее травы, я переступил на нее почти с удовольствием. Она поползла под ногой, я качнулся и почти упал, но один из полицейских – молодой, с какими-то больными глазами – поддержал меня и сказал:

– Это... осторожней.

Его напарник – невысокий и толстый, с маленькими глазками – заржал и кивнул:

– Это верно. А то упадет – чего сломаешь ишо, – и замахнулся на меня прикладом: – Змееньш!

– Хальт! – крикнул эсэсовец, и полицейский испуганно вытянулся в струнку.

А на меня обрушился страх, и это было отвратительно. Туман заплясал, закружился, в ушах взревело, рот наполнился вкусом горячего металла, а живот свело мучительной судорогой и я едва удержался от того, чтобы не наложить в штаны. Даже в бою я так не боялся! Очевидно, Сашка заметил это – он подставил мне плечо и прошептал:

– Ну держись...

– Я... ничего... – с трудом ответил я. Приступ отхлынул, но страх остался – ледящий страх, замешанный на понимании, что сейчас меня убьют. И уже ничего не изменить, не спастись, даже чудом – нет партизан, которые вот сейчас должны ворваться на околицу под победный автоматный треск... Я крепче прикусил губу и встал прямо.

Какая же теплая и сырая земля...

Каратели не спешили строиться. Один из них что-то сказал Эйно, мотнул головой недвусмысленно – отойди в сторону. Эстонец страшно побледнел, глаза сузились, и он отвернулся с такой гадливостью, что каратели недобро запереговаривались. Но ропот умолк – от сарая шел офицер. Он шел неспешно, пощелкивал по штанине маскхалата прутиком и насвистывал что-то бодрое. Носки сапог блестели от росы, и я смотрел на них, как замороженный. Мне казалось, что немец идет медленно-медленно, и я желал, чтобы тот не дошел никогда. Шаги были длинные и тягучие, как кисель. Может, он и правда не дойдет? Не может он дойти, потому что я не могу умереть...

Офицер встал перед приговоренными. Перед нами. Он по-прежнему улыбался, но в глазах улыбки не было.

– Он стелаль сфой випор, – подбородок указал на Эйно. – Но ви еще мошет спасти сфую шиснь. Это просто. Кто кричит: «Шталин капут!» – он перестал улыбаться, – тот жифет. Кто нет – тот бутет мертф. Все просто. – Он бросил прутик через головы стоящих у ямы людей в нее и коротко рассмеялся. – Я сразу его отпускаю. «Шталин капут!» – и... – он сделал широкий жест рукой. – На фсе шетирь стороны. Зо? – он сделал шаг влево и кивнул Сергею Викеньтевичу.

– Могли бы и не задавать этот вопрос, – казалось, что Сергей Викеньтевич ведет светскую беседу. – Вы же знаете, что я коммунист.

– Ти мертф. – Эсэсовец улыбнулся, и я обмер от этих слов.

– Вы тоже, – сказал Сергей Викеньтевич. – Просто вы этого еще не поняли... Мальчики, – он чуть повернул голову, – крикните. Я приказываю. ОН простит. Вы должны жить. Понимаете, должны жить. Вы будущее страны.

– Кароший совет. – Эсэсовец шагнул к Сашке. – Ти?

– Гитлер капут, – сказал Сашка. – Простите, дядь Сереж... но на губу за нарушение приказа вы меня уже не посадите. Гитлер капут, – повторил он, снова повернувшись к немцу. – Всем вам капут. Повторить?

– Ти мертф. – Немец снова улыбнулся и шагнул ко мне. – Ти бутешь жиф? Или ти есть еще отин мертфец?

Я слышал, как свистит в моем собственном горле дыхание. Как ветер в трубе. Я жив. Я дышу. Я хочу жить. Пусть как угодно, но жить. «Сталин» для меня – просто слово. Человек с трубкой и усами, погубивший миллионы своих сограждан, чуть не проигравший эту самую войну. Я опустил глаза. Ноги были грязные. Помыть бы. В ванну бы. Лечь в горячую ванну и лежать, и чтобы мама потом позвала: «Ну скоро ты, за стол пора, остывает все!» Откуда-то возникла дикая, но непоколебимая уверенность: сейчас меня отпустят, я пойду, просто пойду – и вернусь домой. Так же странно и необъяснимо, как попал сюда. Обязательно. Мне казалось, что я думал долго, страшно долго – и удивительно было, что эсэсовец не торопит...

ЖИТЬ! ЖИТЬ!! ЖИТЬ!!!

Я поднял голову, облизнул царапающие язык губы и отчетливо сказал, глядя прямо в глаза немцу:

– Обоссышься, тощая жопа.

Сашка засмеялся – весело и бесстрашно – и подтолкнул меня плечом (я чуть не упал в яму):

– Молоток!

Немец покачал головой и кивнул старшему из полицаев. Тот со злорадной охотой, враскорячку, подбежал ближе, сдергивая с плеча винтовку:

– Кончать, пан начальник? Это... шисен?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.